

25 Října 1932. **Volné Kozáctvo** Ročník V.

115

25-го октября 1932 г. 25-го жовтня 1932 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый РІК ВИДАННЯ 5-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Петр Крюков: Проект флага Казакии. (Verše).
2. Вл. Куртин: Цветы в гробу. (Květiny v rakvi).
3. В. Карпушкин: Казакии. (Verše).
4. Ив. Томаревский: Карта Казакии. (Verše).

5. Kozaci i kozačko pitanje. (Kozáci a kozácké otázky).
6. Чужинец: Споры держав и партий по поводу вольноказачьих планов Чайковского. (Spor velmocí a stran o plánech Čajkovského).
7. М. Забэлло: (Zabajkalští kozáci).
8. В. И. Елисеев [В. Петров]. Об „ителлигенции". (O „inteligenci").
9. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
10. Т. Стариков: У самостийников один путь — путь ВК. (U separatistů jedna cesta — cesta VK).
11. Ш. Балинов: Открытое письмо „вольным казакам из Праги". (Otevřený dopis „Volným kozákům z Prahy".
12. Петр Закрепа: Маленькое воспоминание. (Malé vzpomínky).
13. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
14. В Казакии. (V Kozácku).
15. М. Чокаев: Письмо в редакцию. (Dopis redakci).

Почтовый ящик.

Белград. — П. П. — Октябрьский получен. Сентябрьские не получены. Пошлите еще хотя 1 экз. Привет.
Зайечар. — А. Г. — Посылается. Привет.
Виши. — Д. Ч. — Получено. Привет.
Бельгия. — П. Б. — Получено. Привет.
Панчево. — М. М. — Получено. Привет.
Августов. — Е. К. — Получено. Привет.
Австралия. — В. К. — Получено. Привет.
Шабац. — Я. Е. — Посылаем. Привет.
Кастельно (Фр.) — Св-рев. — Письмо получено. 20 фр. не получены. Как посланы в письме или переводом? Привет.
София. — Ф. Б. Получено. Привет.
Александрово. — П. К. — Ваши журналы пропадают может быть потому, что Ваш адрес неполон. Лучше указать улицу и номер дома. 112 номер по неизвестным нам причинам многими не получен. Досылаем. Привет.
Ницца. — Н. Т. — Послан еще раз. Привет.
Югославия. — К. Ш. — Пишите впредь вещи более „здоровые". С „надрывами" ничего не сделаем, ничего не достигнем... Привет.
Aix. — И. Б. — Посылаем еще раз. Привет.
Вольным казакам в Югославии предлагаем ознакомить как можно шире югославян и их прессу с содержанием передовой статьи в настоящем номере.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мрамораk.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
А. Кирьянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Ugine.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

Казачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 115 *Вторник, 25 октября, 1932 = Второк, 25 жовтня, 1932.* *№ 115*

Петр Крюков. *(Франция).*

ПРОЕКТ ФЛАГА КАЗАКИИ.

Голубое поле...
Степи вдалеке
Слились с чашей неба.
Синь волны в реке.
Марево миражем —
Голубым дрожит,
Над душистым чобором —
Голубым летит.
Даль морей могучих —
Голубой простор.
Над родной Казакией —
Голубой шатер...
Цвет гвардейцев наших —
(Атаманский цвет)
Голубой (по крови!) —
Мы не сменим! Нет!..
Мы — потомки старых
Вольных казаков —
Свой простор родимый
Вырвем из оков!
И над синью наших
Издревле краев
Синий стяг развернем
Вольных казаков!
И *пернач*, как символ
Воли золотой,
Ляжет в *синем* поле
На простор родной.
Все Войска сойдутся
Во единый Круг —
Семь светил небесных
Пернача вокруг.
Ни кресты, ни птицы
Волю не спасут, —
Только наши пики
Долю нам дадут.
Потому на древке
Пики острие:
Мы врагам без крови
Не дадим свое!..

12-VI-1932 г.

Вл. Куртин. *(Югославия).*

Цветы в гробу.

(Продолжение).

В затхлое осеннее утро дом Егора Клушина высмотрел еще неприглядней, чем ночью. Дом, точно изгрызанная, с изорванной кожей собака, уже не в состоянии был ни зализать, ни скрыть свои раны. У Егора не было ни средств, ни времени, ни охоты поправлять то, что садистически разрушалось волнами „ударников", катящихся через станицу с севера...

Утро не обещало „поднять кривую" колхоза „Красная борозда". Попрежнему хлестал, пузырясь, косой дождь.

Они не пришли. Но от этого в доме Егора никому веселее не было. Как автомат ходила Вера из кухни в спальню, из спальни в кухню, убирая с пола тряпье, на котором спали дети. Егор, сидя на „чеботарском" стульчике, латал свои полотняные чирики, вконец развалившиеся на вчерашней пахоте. Старшая девочка Маруся заваривала „чай": смесь от сушеных головок ромашки с солодиковым корнем, а Катя, обняв пышные темносинние звезды-астры и спрятав между ними свое бледное личико, точно Медуза с широко открытыми цвета морских глубин глазами, неслышная, притаилась в углу.

По крыше гулко барабанил дождь.

— Папа, тихо отозвалась из своего „куточка" Катя.

— Что, детка?

— Когда опять будем сажать цветы в городчике, а то им тут тесно?!.

— Весной, детка.

— А когда она будет?

— Да вот когда пройдет зима.

— А как она ходит?

— Кто? затягивая по чеботарски дратву переспрашивает Егор.

— Зима!

— У зимы нет ног, поясняет Маруся.

— А у весны!

— И у весны нет.

— Как же она придет?..

— На автомобиле! выпалила Маруся и ее черты готовы были растянуться в улыбку, но спохватилась, закусила губы — получилась какая то невозможная гримаса вымученного смеха, боли, раскаянья, жалости...

— Катя, Катя!.. милая... прости... бросившись к сестренке, причитает, плача, Маруся.

Егор держит на руках Катю, а Вера, припав ухом к ее груди, слушает...

— Девочка моя милая... Напужалась... Сердечко мое бедное...

Заплакала...

Егор прижимает худенькое теплое тельце дочурки, а в памяти в мельчайших подробностях вспыхнуло — будто это происходит сейчас — как чекисты арестовали его дедушку.

Был теплый весенний день. Егор и Вера пересаживали в городчике зелень, а дети забавлялись с дедушкой в маленьком палисаднике. Вдруг во двор вошли два человека в черных кожаных тужурках: отворили ворота и во двор влетел автомобиль, точно пулеметной стрельбой заглушивший двор шумом своего мотора.

Два человека в кожаных тужуркак, на глазах оцепеневших от ужаса Егора и Веры схватили дедушку, отшвырнули сидевшую у него на коленях Катю, которая, перелетев через низкую ограду палисадника, жутко громко чмокнулась всем телом о сухую землю...

Два человека в кожаных тужуркак подволокли плачущего, упирающегося дедушку к автомобилю, впихнули его внутрь, точно чувал с пшеницей, захлопнули дверцу, вскочили на подножки — один с одной, другой с другой сгороны и, под трескотню мотора, исчезли...

Спустя три недели Егор привез своего дедушку из армавирской чеки (выручил Клим Ивановичь). Разбитый параличем, с отнявшимся языком, дедушка непрестанно плакал, жутко мычал...

Видно было, что он напрягает все свои силы, чтобы сказать что-то... Что-то очень важное... Но что?..

На пятые сутки умер. И Егор так и не узнал, что ему хотел сказать отец... Какую последнюю волю или тайну унес он с собою в могилу... А может быть последнее родительское благословение своему сыну заграницу...

А Катя от того страшного дня заболела пороком сердца... и при ней нельзя было произнести даже слово: автомобиль: она впадала в тяжелый и глубокий обморок, когда ее маленькое сердечко почти не билось, а после обморока корчилась в истерике...

К вечеру Катя оправилась. Свой „куточек“ превратила в — „комнату“. „Накрыла“ стол и позвала в гости дядю. Живого она его еще никогда не видала. Живого дядю заменяла его фотографическая карточка, с которой она прекрасно об'яснялась.

— Пожалуйста, пожалуйста, дядюшка — вот сюда! Манерно раскланиваясь, обращается она к карточке, умащивая ее на коробке под белыми астрами...

— Ты в белой черкеске, белой папахе... сейчас будем чай пить... А вот варенье, какое хочешь? — клубничное или малиновое?..

Егор, никогда не сидевший без дела, плел из шпагата „чувяки“, а Вера, разложив на столе две донельзя заношенные кофточки, выкраивала из них новую блузку.

— Бог знает, что сейчас делает дядя... будто продолжая вслух свои мысли, говорит Егор.

— Да у Кати чай пьет... Катя, у тебя дядя?..

— У меня, мамочка... Ему здесь хорошо... Не правда ли, дядя?.. Маруся, иди и ты к нам: Дядя нам будет рассказывать о далеких землях... как ему там, бедненькому, жилось... на чужой сторонушке...

— Наверное — лучше, чем нам на своей, думает Егор.

— Вера, когда от дяди было последнее письмо?

— Да уж больше трех месяцев... нужно бы и ему послать...

— А марки?

— А вот смастерю блузку Макарихе, что в статистике служит, получу деньги и пошлешь... Может опять ниток в письме пошлет, а то латать будет нечем...

— Нитки то вот не взяли, а 5 долларов, что в позапрошлом письме послал...

— Украли, черти проклятые! Перебила Вера.

— Никто другой, как этот Нос Семеныч, — не даром же его Нос Семенычем прозвали. И не открывая письма, по нюху знает, что в нем...

— Ну, пока до нашего Нос Семеныча дойдет — сколько других носов — похлеще — письмо понюхают... А что это Бориса нет?..

— Анютку ихнюю видала. Говорит: спит целый день... Может не хочет показываться после вчерашнего...

— Вернет он это товарищу бригадиру... С процентами, процедил Егор.

Со двора послышалось чавканье.

— Кто это? Прошептала Вера. А болезненно чуткая Катя уже насторожилась, замерла в своем куточке. С'ежилась. И только глаза, будто два синих вопросительных знака, уставились на матери...

О ставень прошкарчыкала хворостина.

— Борис... облегченно вздохнули оба...

— Легок на помине, отодвигая задвижку в чулане, говорит Вера.

Скинув цокули, Борис вошел в кухню, задевая босыми ногами горшечки с цветами.

— Здорово были!

— Здорово! Садись!..

Сутулый, нескладный Борис грузно опустился на низкий табурет.

— Чеботаришь?..

— А что ж делать?!. Дожились...

— Да... До точки... Ничего не слыхал?..

— А что?

— Анютка где то пронюхала, будто опять партию на север собирают...

— Кого? — в один голос перебили Егор и Вера.

— Да всех, что еще на нашей улице остались... только... только тебя, Егор, между нами нет...

(Продолжение следует).

Виктор Карпушкпн. *(Брно).*

КАЗАКИИ.

Я люблю мой край родной,
Где, играя желтизной,
Колос тучный созревает;
Где чернеет лес угрюмый,
Где небесный свод лазурный
Свой покров разостилает...
Лунной ночью где сверкая
Мчится, скалы омывая,
Лента пенящей водой;
Где ковыль волнуем ветром
Шепчет мне о воле предков
Из далекой старины.
Я хотел бы крылья птицы,
Чтобы с заблеском денницы
Навестить свой край родной.
И к земле, политой кровью,
Я б приник, горя любовью,
Прошептав привет ей свой...

Ив. Томаревский *(Болгария).*

КАРТА КАЗАКИИ.

Посмотри, казак, на карту
И умом своим раскинь —
Где былая уж Россия,
А где наш казачий клин!
К двум большим морям примкнувши,
На пяти реках лежит...
Клин тот древний — Казакия —
Что воскреснет вольно жить.
Широки и беспредельны
Его пышные поля,
Хлеба нивами, травою
Весь покрыт он без конца.
По лицу его станицы,
Хутора и города
Пораскинулись свободно
И для мира и труда.
Далеко на нем виднеясь,
Купола горят церквей;
Еще дальше колокольный
Слышен звон среди степей...
Этот клин есть Казакия,—
Наша милая земля,
Наша радость, наше горе
Заграничного бытья...
Посмотри ж, казак, на карту,
Как на предков вольный край —
Жить тебе на нем при воле
Иль в неволе — ты решай.

Kozaci i kozačko pitanje.

Kozaci bejahu jedan od pet slovenskih naroda, iz kojih sastojaše se stara ruska monarhija (Velikorusi, Poljaci, Ukrajinci, Belorusi, Kozaci).

Pre dvesta godina izgubivši svoju samostalnost, Kozaci idu sada opet putem svoga narodnog preporoda, putem borbe za oslobodjenje i za obnovu svoje slobode i državne samostalnosti.

Ovo su pitanje sebi postavili odlučno i nepokolebivo, kako bi postigli zaželjeni cilj.

Pateći u domovini pod nesnosnim okupacionim sovjetskim jarmom crvene Moskve i pateći ovde u izgnanstvu od svih mogućih moralnih i materijalnih nedostataka, mi ne tražimo ni od jednoga tudjinca, da podje da se neposredno bije za našu ideju. Za svoje oslobodjenje, za svoju sudbinu, za svoju budućnost borimo se i hoćemo se boriti pre svega mi sami zajedno s onima naravnim saveznicima, koji se bore isto onako kao mi, da se zbave pritiska crvenog imperijalizma.

A ipak mi trebamo izvesne pomoći. I ako je tražimo, mi ne činimo to samo u vlastitom interesu, nego i smatrajući, da i mnogim drugim narodima neće biti svejedno, čime i kako će se na području S. S. S. R. svršiti borba za narodno i državno oslobodjenje naroda, koji su od Sovjeta podjarmljeni.

Ako se rešavamo na taj odgovorni korak, mi ga ne pravimo nesmotreno, a ako se nadamo pomoći, onda ne samo zato, što računamo sa simpatijama za sebe, nego i zbog dubokog uverenja, da opstanak aktivno imperijalističkog S. S. S. R. u njegovoj otkupiteljskoj maštи, da će pretvoriti svet po novome moskovskom ugledu, i njegovo vladanje mnogima narodima ne donosi sada niti obećava, da će u budućnosti doneti blagostanje drugim narodima, koji čak često nastoje da se od njega brane dvostrukim kineskim zidom.

Kakva pomoć nam dakle treba?

Pre svega moralna.

Svet zna o Kozacima vrlo malo. Ali i ono, što o nama zna, često ne odgovara istini, jer on crpe znanje iz druge ili treće ruke, iz izvora, u kojih interesu jeste, da se o Kozacima ne kaže istina. A sada mi govorimo sami o sebi i za sebe.

Nećemo opširno govoriti o nadčovečnim patnjama našega naroda od sovjetske okupacije niti o neizmernim tugama u izgnanstvu — ne kanimo nikome dosadjivati svojim stradanjima, ali hoćemo samo da tu kažemo nešto o svojoj istorijskoj sudbini i svojim nastojanjima — o svojoj borbi za slobodu, i svoje težnje da živimo onako, kako žive drugi narodi. Hoćemo da sami rukovodimo svojom istorijskom sudbinom, svojom sadašnjosti i budućnosti... I mi hoćemo, da nas svet sluša i dobro shvati.

Kozaci potiču od onih slovenskih plemena, koja su u vreme, kada se na Dnjepru stvarala Kijevska Rusija i kasnije Moskovska država na šumovitom severu evropske ravnice, stanovala na pustarama medju Volgom i Donom i na obalama Azovskog i Crnog mora.

Naseljeni uz „Veliki put" iz Azije u Evropu, kojim je prešlo mnogo velikih i malih naroda — u glavnom od istoka na zapad —, Azovski (pustarski) su Sloveni primili dosta tjurkske krvi.

Kozaci vode svoje poreklo od tih pustarskih slovenskih plemena.

Neprestane najezde azijatskih (tjurkskih i mongolskih) naroda znatno zadržaše razvitak državotvornosti naših predaka. I-

pak u toku XIV. i XV. veka osnovane su kozačke republike na Donu i Dnjepru, koje samostalno postojahu u XV., XVI. i XVII. veku.

Krajem XVII. veka granice Moskovske države proširene su do kozačkih granica i time je započeta postepena ekspanzija moskovskih i kasnije petrogradskih careva u pravcu prema kozačkoj oblasti.

Odlučni udarac Kozacima zadade Petar I. godine 1708, podvrgavši Don. Od toga vremena Kozaci gube svoju državnu samostalnost.

Godine 1775. Katarina II. uništi republiku Zaporoških Kozaka, koji se zatim preseliše na Kubanj.

Uza sve to Kozaci, izgubivši svoju samostalnost, iako su prisajedinjeni ruskoj državi, odmah ne izgubiše svih svojih autonomnih prava. Skoro dve stotine godina trajaše likvidacija autonomnih političkodržavnih prava kozačkih zemalja, a kroz isto vreme Kozaci su se protivili toj politiki ruske vlade.

Još do početka revolucije 1917. godine Kozaci sačuvaše ostatke svojih autonomnih prava te se ne ujediniše sa stanovništvom ostaloga dela države.

Stoga dakle Kozaci, kad nastade 1917. godina, proširiše svoju državnu samostalnost i izgradiše državni ustav, koji se naslanja na volju stanovništva svojih krajeva. Pošto su vladu u Rusiji osvojili bolševici, Kozaci proglasiše svoje potpuno odmetništvo od sovjetske Rusije.

U godinama 1917. i 1918. faktično i pravno stvoriše se republike Donska, Kubanjska i Tjerska. Sličan razvitak izvrši se i na Uralu kod orenburških, astrahanskih, a isto tako kod sibirskih Kozaka.

Ali pokazalo se, da je politika ruske revolucijske sovjetske vlade prema Kozacima postupala gore od politike stare carske vlade. Bolševici zauzeše neprijateljsko stanovište prema kozačkim republikama. Na nesreću položaj Kozaka zamrsi se još više u jednu ruku time, što se u politiku Kozaka umešaše prvaci „belih", t. j. generali Denikin i Wrangel, u drugu ruku time, što neke velike sile ne priznadoše težnji Kozaka, radeći oko toga, da bi se kozačke obrambene snage upotrebile u interesu ruske protivrevolucije.

Time se desilo, dok ruski narod kao celina podupire sovjetsku vladu, da su Kozaci, a da to nije bila njihova volja, protiv čitave sovjetske Rusije ostali osamljeni. Poraz je bio neizbežan te nije izostao.

Taj pad Kozake nije samo ogorčio prema onima, koji su pridoneli ovome njihovu porazu, nego je mnogima iz sredine Kozaka pokazao, da se blagostanje kozačke domovine može vratiti samo putem separatizma i samostalnosti.

U sadašnje vreme naša je domovina zaposedena od bolševika. Grozna je ta vlada crvene Moskve u našim zemljama i nemilosrdna prema svima svojim protivnicima. Bez obzira na to narodni se osećaj Kozaka budi i raste. Nasilnima sredstvima neće biti pobedjen.

Kako stalna tamošnja zulumčarska vlada okupacionih vlasti, tako i dvostruki kineski zid, što su ga moskovski vladari izmedju svoje države i ostaloga sveta podigli, staviše nama, kozačkim emigrantima, u svetu dužnost, da pred celim obrazovanim svetom dignemo svoj glas na odbranu svoje zemlje i svoga naroda. Mi, kozačka emigracija, koja nije raskinula veze, što nas spajaju s vlastitim narodom i njegovim tajnim snovima i težnjama, nastavljamo borbu za slobodu, koja je počela 1917. godine, te uzimamo na sebe odgovornost za to, da budemo pretstavnici kozačkih težnji pred spoljašnjim svetom.

Hoćemo da postignemo razumevanje i pomoć i pre svega želimo, da se svet o nama Kozacima kod nas samih obavesti.

Malokome je na primer poznato, da poznata gesla francuske revolucije — ravnost, sloboda, bratstvo — bejahu već davno pre toga ostvarena kod Kozaka kao osnovno pravilo, na kojem bejaše sagradjen život u kozačkim republikama.

U naša vremena, posle pada ruskog carizma, Kozaci stvoriše republike takodjer na temelju ovih principa. Ali ruski bolševici, najveći i nepomirljivi neprijatelji slobode i „sentimentalnih buržoaskih predrasuda", Kozake opet lišiše slobode.

Ali time volja Kozaka nije slomljena i kozački glas nije ućuteo. U DOMOVINI ugušena, sada se javlja kozačka emigracija, koja se prihvatila zadatka, da javno proglasi program Kozaštva, da govori svetu o prvobitnim težnjama za oslobodjenjem i državnom samostalnošću Kozaka i da vodi borbu za ostvarenje kozačkog programa. Taj je zadatak primila na sebe kozačka emigracija, okupljena u pokretu „Volnoje Kazačestvo" (Slobodno Kozaštvo), kojega propagacioni organ jeste list „Volnoje Kazačestvo", koji izlazi u Pragu.

Kakav je kozački program, program Slobodnog Kozaštva?

Program Slobodnog Kozaštva — program Kozaka-separatista — sasvim je jasan:

Oslobodjenje oblasti i stanovnika svih zemalja evropskih Kozaka — donskih, kubanjskih, tjerskih, astrahanskih, uralskih, orenburških i kalmičkih — iz podanstva S. S. S. R. i R. S. F. S. R. i stvaranje posebne samostalne, neodvisne kozačke države — KOZAČKE.

Ovaj program nije nov. U godinama 1917—1920 Kozaci postaviše pitanje stvaranja kozačke savezničke državе svega četiri puta, ali spoljašnji, Kozacima tudji elementi sprečili bi njeno ostvarenje.

Kako bi izgledala nova ujedinjena država K o z a č k a ?

Oblast šest zemalja evropskih Kozaka i kalmičkoga područja obuhvata oko 870.000 km². U toj oblasti živi skoro 11,000.000 stanovnika.

Nećemo da umaramo čitaoce ovoga kratkog članka potankostima istorijske, zemljopisne ili privredne prirode te upućujemo one, koje to zanima, na rezultate naročitih proučavanja i publikacija. Ovde možemo samo naglasiti, da osim v o l j e Kozaka, da budu samostalni, jesu istorijski, zemljopisni i privredni podaci važni dokazi te se nalaze u rukama Kozaka za stvaranje vlastite države.

Takve su težnje Kozaka.

Istupajući s ovim programom pred spoljašnji svet, mi iznosimo svoje uverenje, da će kozački program ovaj put kod drugih naroda naići na pravo razumevanje i izazvati iskrene simpatije prijatelja civilizacije, prava, pravičnosti, reda, slobode i napretka.

One narode, koji smatraju, da istorijska sudbina Kozaka za njih ništa ne znači te mi na njihovo neposrednu pomoć ne možemo računati, hteli bismo barem da opomenemo:

Nemojte pomagati našim neprijateljima, nemojte pomagati našim ugnjetačima, oni su i vaši neprijatelji.

Чужинец.

Споры держав и партий по поводу вольноказачьих планов Чайковского.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Основание Оттоманского казачества и связанные с ним широкие планы Чайковского насчет Казакии, поскольку они могли быть известны в то время, вызвали борьбу противоположных влияний вокруг этого дела. Франция, Англия, германские державы, поляки „белые“ и „красные“ по разному отозвались на казацкую „акцию“ Чайковского. Больше всего выказала свое сочувствие Турция. хотя ей пришлось действовать свободно лишь до вступления в войну против России могущественных, пришедших к ней на помощь, ее союзников. Турция не только разрешила Чайковскому формировать полки „казаков оттоманских“, но и издала в феврале 1854 г. и приказала распространить в пограничных местностях литографированное воззвание на русском языке о том, что „всем пашам и другим начальникам мусульманских казачьих и армейских войск Его Вел. Султана приказано: принимать на службу желающих, жительствующих в Турции, всех беглецов из Российского государства — казаков, поляков, татар, малороссиян, коренных русских и всякие другие народности“.*)

Отношение Франции к идее вольного казачества оказалось благоприятным. Наполеон III воскресил старую мысль своего великого дяди об использовании казачества против России. Он выказал сочуствие предприятию Чайковского, взяв на счет Франции обмундирование его казаков. По словам Чайковского он „хотел испробовать, нельзя ли пробудить в поляках казачий дух. **)

Еще более сочувствия высказал принц Жером Бонапарт. Хотя некоторые поляки пытались внушить ему, что Мицкевич — поэт, подпавший под влияние Чайковского, и что оба они сами себе создают эпопею казачества, принц горячо сочувствовал Чайковскому.

Уже в 1860-х гг., приехавши в Константинополь, он сказал Чайковскому: „имея сто тысяч таких казаков, как ваши, можно и Польшу восстановить, и в самой Польше восстановить порядок“.***)

Однако, активное сочувствие Чайковскому со стороны Франции и Турции натолкнулось на сопротивление со стороны Австрии и Германии, не желавших возбуждения польского вопроса, и — что было еще важнее — со стороны Англии.

Что касалось действий против России в Европе, то Чайковский хотел во главе своих казаков вступить в Бессарабию и Украину, усилить свои ряды польскими эмигрантами, перебежчиками и, если вспыхнет восстание, повстанцами, а также украинцами и казаками. Англия оказала сопротивление этим замыслам, заставила Турцию оставить Оттоманских казаков на Дунае, не допустила их в Крым.*)

Равно и на Кавказе Чайковскому не удалось действовать так, как ему хотелось. Кавказ оказался в „сфере влияния“ Англии. Когда союзники вступили в войну на стороне Турции и отправили флот в Черное и Азовское море (они кратковременно занимали Керчь, а также бомбардировали Таганрог), Решид-паша сообщил Чайковскому, что англичане намечают экспедицию из Керчи на Анапу и вглубь страны. Чайковский отозвался, что следует войти в сношение с линейными казаками, среди которых много староверов, с Черноморцами, среди которых живы традиции Запорожского казачества, и — наконец — с нагайцами-мусульманами. Решид-паша поручил Чайковскому написать мемориал о Черноморских казаках, нагайцах и других казацких народностях. Чайковский не только развил план — поднять против России весь Северный Кавказ, но и идти на Грузию с юга (туда он намечал Абдул-Керим-пашу, а казаков надо было стянуть в Бургас для переброски на кавказское побережье).

Решид-паша передал записку Чайковского английскому послу лорду Старт форду-Ратклифу. Тот отозвался, что „нечего и думать идти за Кубань; надо будет довольствоваться взятием Анапы и сношениями с племенами непокорных (независимых) черкесов“. Отвергнуто было Англией и симпатичное для Турции предложение Чайковского „поднять черкесов и дагестанцев во имя магометанства и национальной свободы“. Посылка казаков в Грузию тоже была сочтена неудобной.

Под конец войны сопротивление Англии широким планам Чайковского (постановка польского, украинского, казачьего, грузинского и горского „вопросов“) об'яснялось усталостью союзников, направивших концентрированный удар на Севастополь и встретивших нео-

*) „Рус. Стар.“, 1896, № 6, с. 607-608.
**) „Рус. Стар.“ 1898, № 10, с. 201.
***) „Рус. Стар.“, 1900, № 12, с. 737-738.

*) „Рус. Стар.“, 1900, № 4, с. 222-226.

жиданно-упорный отпор.*) Однако, не только в середине войны, но и в начале ее, Англия пошла против Чайковского, оказавши мощное содействие тем, кто хотел вырвать дело формирования Оттоманского казачества из его рук. Попытка эта была сделана людьми из кругов „белой" польской эмиграции.

Здесь уместно бросить взгляд на ту эволюцию, которую проделали в вопросе об Оттоманском казачестве аристократические польско-эмигрантские круги. Выразителем этих взгядов был вождь „белой" эмиграции-кн. Адам Чарторыйский, воздействовавший на эмиграцию путем циркуляров к своим агентам в разных странах, путем статей в парижских „Польских Ведомостях" („Wiadomosci Polskie") и, особенно, путем публичных речей, которые он произносил в торжественных заседаниях Польского Литературно-Исторического Общества в Париже. Последние бывали дважды в год, в исторические даты 3-го мая и 29 ноября. Речи кн. Чарторыйского издавались вслед затем на польском и французском языках.

29 ноября 1854 г. кн. Чарторыйский говорил о желании эмиграции принять активное участие в борьбе на Востоке. „Мысль о создании польского легиона в Турции, едва возникши, быстро распространилась. Я не перестаю получать просьбы". Чарторыйский говорил о терпении, необходимости ждать. „Некоторые эмигранты, по собственному побуждению пошли в Казачий Легион, этот первый зародыш (noyau) вооруженной силы, имеющей прямое сродство с нашим делом, и в коем все офицеры — поляки". Чарторыйский считал „критику этой организации мало обоснованной и мало удобной; она при благоприятных условиях, может быть улучшена в смысле состава, и призвана оказать важные услуги нашему делу".

В польском тексте речи мы находим, что „поляки приняты как братья в казацкие полки Султана, где элемент польский и элемент украинский („русьняцький") очень удачно и с великою пользою для грядущего об'единяются. Эти полки уже отличились в сражениях. Их храбрый вождь, утрату коего с другой стороны мы оплакиваем, не перестает хранить в своем сердце самое горячее сочувствие к делу отчизны и давать доказательства этого сочувствия".**)

Несмотря на эти комплименты, если не сам князь Адам, то его окружение („отель Ламбер") не прочь были забрать дело Чайковского в свои руки.

В секретной инструкции 9 мая 1854 г.***) отель Ламбер предлагал агентам кн. Адама Чарторыйского прислать в Париж списки поляков, проживающих в департаментах Франции и заграницею и могущих принять участие в вооруженной борьбе с Россией. Авторы инструкции подчеркивали, что князь Адам „выше аристократической и демократической партий", видели, в Крымской войне „перст Божий", напоминали, что агенты кн. Чарторыйского „приучили Порту видеть в нем выразителя („выобразицеля") интересов Польши, тесно связанной своими интересами"... Поэтому, после об'явления войны, турецкое правительство „просило у него*) присылки польских офицеров и сообщило о намерении создать польский отдел в турецкой армии". Однако, „надежды на мир, а также неопределенность позиции немецких государств (главным образом, Пруссии и Австрии) помешали осуществлению этой мысли"... „Как зародыш воспринятых намерений остается казачий легион (Legia Kozacka), для организации же собственно польских частей посланы на Восток два офицера".

Авторы инструкции призывали поляков к терпению и сообщали, что „попечение о 2-х легиях на Востоке вручено полковнику Замойскому". Авторы инструкции не поясняли, что Замойский должен был, собственно, вырвать из рук у Чайковского и „казачью легию", о которой почти впервые было упомянуто полуоткрыто (до сих пор отель Ламберт замалчивал и Чайковского и его казачий „легион"), и все дело организации антирусских национальных отрядов вообще.

Прибывши в Константинополь, гр. Владислав Замойский стал оказывать противодействие делу Чайковского, отговаривая охотников из поляков идти в казаки. Когда в Варне создался пункт для набора в Оттоманские казаки, то Калинка, секретарь Замойского, писал: „в Варну препровождается всякая сволочь из иностранного легиона, которая таскалась по улицам Стамбула и, быть может, пригодится на что нибудь казакам".*)

По мнению Чайковского, Замойский „вовсе не понимал казачества, православия и славянства". Мечтая о восстаннии Польши и восстановлении ее в границах 1772 г. Замойский „боялся распространения православной церкви и не хотел поэтому, чтобы в восстании принимали участие казаки, которые, памятуя свою историю и традиции и имея в своей среде более храбрых людей..., образовали бы" (в будущей великой и свободной Польше) „новый шляхетный элемент, казацкую православную и доблестную шляхту".**)

Замойскому удалось добиться, вначале, от Англии исполнения своих желаний, и 17 ноября 1855 г. он мог возвестить своим соотечественникам на митинге в Лондоне (посвященном годовщине со дня смерти друга угнетенных Россией народностей лорда Дудлей Стюарта), что накануне, 16 ноября, Великобританское правительство уполномочило его, Замойского, создать особый польский корпус под названием „Дивизии казаков султанских" под властью султана, но под ближайшим командованием и за счет Англии. Дивизия должна была состоять из 2 полков пехоты, 1 стрелкового батальона и 2-х полков кавалерии. Решение это вызвало протест среди части поляков, а в Лондоне Яновский опубликовал „Открытое письмо к кн. Чарторыйскому по поводу организации Польского легиона на Востоке под командою Вл. Замойского". Тем не менее, в Париже была основана „Главная агенция дивизии Польской казаков оттоманских", начавшая вербовку эмигрантов-поляков для отправки на Восток.***)

Приехавши на Восток, Замойский явился начальником Чайковского, как командира 1-го полка казаков Оттоманских и организатора 2-го тако же полка.

Мы не будем описывать борьбы за власть этих двух представителей эмиграции. Замойскский, не понимая характера Чайковского, его казаков и всего дела, хотел, чтобы не только командование было польским (как оно и было на деле), но и самый дух полка и нерегулярных казаков (некрасовцев — „кубанцев" и добруджских староверов) стал польским и католическим. Он потребовал, чтобы некрасовцы и староверы присутствовали на католической обедне. Это католическое усердие повредило ловкой и дальновидной политике Чайковского, но оно же повредило и Замойскому.

Первый полк казаков был из'ят из подчинения Замойскому, а равно и связанные с ним нерегулярные сотни некрасовцев и староверов. По словам Чайковского на пред-

*) „Рус. Стар.", 1900, № 4, с. 232-236; № 5, с. 460-461; Rawita Gawroński. „Studya", t. I, s. 180.

**) „Discours du prince Ad. Czartoryjski prononcé en séance, publique de la Société Littéraire et Historique Polonaise de Paris b 29 Nov. 1854". Paris, 1854; „Mowa X. Ad. Czartoryskiego miana na posiedzeniu dorocznem Towarzystwa Literacko-Historycznego w dniu 29 Listopada 1854 w Paryżu", P. 1854.

***) Instrukcya (Konfidencyonalne), 9 Mai 1854, Paris, Hôtel Lamert. Рукоп. Музея Мицкевича.

*) Сторонники кн. Адама писали о нем всегда с большой буквы, как о короле.

*) Milkowski, цит. соч. с. 220; Шпотаньский, цит. соч., т. III, с. 103; „Рус. Стар.", 1900 № 12, с. 734.

**) „Рус. Стар.", 1900, № 5, с. 461.

***) „Raport jenerala Zamoyskiego do... Czartoryjskego w ciagu mowy xiecia czytany na zebraniu Polakow 29 Listopada 1855. Janowski. List odwarty dn X. Ad. Czartoryjskiego z powodu formacyi Legyonu Polskiego na Wschodzie pod dowództwem Jen. W. Zamoyskiego. London; Raport do J. X. M. X. Cartoryjskiego dotyczace formacyi diwizyi Polskiej kozakow sultanskich. Paryż, 1856. Agence Principale de la Division Polonaise des Cosaques du Sultan помещалась на острове св. Луи в Париже, где был и „отель Ламбер" кн. Чарторыжского, и Польская Библиотека и мн. др. эмигрантские учреждения.

ложение казакам первого полка перейти на жалование Англии, те заявили, что они союзники а не наемники султана", а из офицеров (поляков) лишь 2 человека покинули Чайковского. Киркор заявил, что „гордится быть начальником этой украинской молодежи, в которой сохранились традиции прежних времен".*)

Сам Чайковский писал Чарторыйскому 14 декабря 1855 г. из Карнабата:**) „Деятельность Замойского досадна мне не потому, что он делит и разрывает на части казачью организацию, которая вопреки всем трудностям достигла того, что не по внешности только, а и по существу является почтенным, полным будущего организмом. Не потому, что он действует предательски в отношении меня лично. Опора Калинок и Косцельских не мог действовать иначе! Мне досадно, что он нанес тяжкие удары делу Польши... При боязни правительства касаться польского вопроса, надо выставить знамя, которое могло бы об'единить все верования и все национальности, существующие в Польше, не оскорбляя и не отталкивая ни единой из них.

„Турция разрешила поднять знамя Запорожских казаков, этого постоянного войска старой Польши, которое одно не сложило оружие после раздела родины, но пошло на службу Султану, чтобы сохранить Польше знамя и права своего войска... Верующие всех религий пришли под это знамя"...

По случайным обстоятельствам Чайковский был поставлен во главе казаков, которые „отличались вопреки крикам и оппозиции завистников"... „Им начинали отдавать должное, число их росло"... „Император французский пришел на помощь Султану — акт благородный, высокополитичный и по истине наполеоновский. Организация казачья начинала страшить врагов"...

Из уважения к князю Адаму Чайковский допустил Замойского сотрудничеству, „восставая лишь против смешных перекрещиваний в католичество православных и евреев и против фаворитизма.

Чайковский возражал против того, что Замойский втянул в борьбу имя кн. Адама, протестовал и против „красной" эмиграции и против „товианчиков" (польско-католических мистиков). Наконец для спасенвя казачьего дела Чайковский выставлял проект поставить во главе его, во главе польского дела на Востоке, принца из Бонапартов или лицо, назначенное самим Наполеоном III.

В результате Замойскому удалось оторвать у Чайковского лишь второй (формировавшийся) полк, который был создан уже из одних поляков и получил название „драгунского полка казаков Оттоманских".

В начале 1855 г. Чайковскому и его энергичной жене удалось уже настолько внушить кн. Адаму Чарторыйскому мысль о необходимости сделать какие-то шаги навстречу украинскому крестьянству и казачеству, что кн. Чарторыйский ввель эти два элемента в речь свою 3 мая (1855 г.) в (польском) литературно-историческом обществе в Париже. Отель Ламбер придал этой речи характер почти манифеста некоронованного короля Польши к украинскому народу и, с целью распространения речи в России, издал ее в переводе на украинский. Мы даем ниже основные отрывки из этой речи со всеми характерными полонизмами и со всею своеобразной транскрипцией украинского язьіка этой „речи князя Чарторыського", изданной в Париже одновременно с польским и французским ее текстом.***)

Князь начал с того, что констатировал, что его труды на пользу „вышельства" (так перевели на украинский язык слово э м и г р а ц и я) не остались „безовощны", т. е. безплодны. Затем он перешел к вопросу о беспорядках в правобережной Украине весною 1855 г. Трактуя Киевщину, как часть Польши, а украинских крепостных этого края лишь как одно из польских сословий, Чарторыйский сводил рознь между ними и польскими помещиками к розни исключительно социальной, да и ту об'яснял исключительно великорусским подстрекательством. Мысль об отмене крепостничества была ему чужда. Надо, — говорил он, — „спомянуты о усыленіи ворогивъ нашихъ, зъ якимъ воны стараються видъ давна зясіяты ненавыстъ та недовирность межъ ризными ставамы народа;*) — межъ богатшимы а бидншимы, межъ панамы а крестіянамы, а що уже было причиною кровавыхъ прыпадкивъ, надъ которымы волію паки и не останавливаться. Мымо сіяныхъ лжывыхъ видомости, можна безмаль смило твердыты, що ти злодушныи маненыя стануть безъ удачи.

„Взаимноѣ сношеныѣ, тай честныи ридни чутья взялы верхъ надъ всимы погибельнымы пидманамы чужесторонного мору.

„Якъ-бы я радъ бувъ щоби мои слова перешлы до нашого люда! Най увирилыбся, що пидо отчинымъ владычеством, колы їого Польша визыще, не пизбавлять, не могуть пизбавыты ихъ жаднои зъ одержаныхъ корыстей; ба бильшь — воны ѣщи будуть имъ цилымъ серцѣмъ и сумлинно и заручены и пимножены. Справедливая ривность и безпечность, тай освобожденыѣ видъ непролыченыхъ самохотныхъ утысненій, переслидованій, биды та гонытвы — ждуть на ныхъ поривни зъ Полякамы. Лжа, темнота, недовирство — не змогуть правды, свитла и виры.

„Наридъ со страхомъ и омерзеныѣмъ видкине, ѣслыбъ смилы видозватыся ѣщи, зрадныи, чортовськи намовы кровавыхъ дрочителей. Знаѣ винъ добре, як їому и сумленыѣ каже, и якъ уже проконався, що розбийство та рабунокъ ныгды не принесе благословеныя Божого."

Речь шла, повидимому, о попытках р у с с к и х подстрекателей („дрочителей") поднять крепостных украинцев против польских помещиков, и Чарторыйский обещал обуздать своевольство помещиков и дать крестьянам „справедливое равенство" с поляками (очевидно, с польскими крестьянами). Далее шел рассказ об интригах Австрии и Прусии против организации польского войска в Турции.

Чарторыйский об'яснял: „в симъ часи не було инакшого способу, ино тильки затягиваться до пивкивъ, въ которыхъ пидъ названыѣмъ козацькимъ, зобралысь сами Полякы, и которы пидъ своимы официрамы могуть управлятыся и вооружаты.

„Командуѣ нымы нашъ Родымець, которы черезъ кыльконадтцять литъ на Восходи зъ ридкою и усердною мудростію прививъ польскіи справы до вылыкого значеныя, а которы не мыгши теперъ пособыты имъ инакше, сотвораючи пивки козацьки, старався знадобытысь разомъ и Турціи, и Польши. А хотяй теперъ оглядается продовсимъ на пожитокъ нынешніого своїого Царя, не позабувъ однаковожъ буты сердечнымъ Поляком, та працюваты для першой своѣи отчины. За нимъ спильно, минованы ѣстѣ органызатором новихъ шерентивъ, панъ Владыславъ Замойськи, которого вы, панове, знаете добре**) жарлывость, тровалость и посвященыѣ безъ граныци для отчины."

Чарторыйский об'явил, что поляки должны ехать теперь, на Восток (в Турцию), и что для примера другим он решил послать туда своего собственного сына. Затем он стал говорить о роли казачества. „Перше за чым скинчу, прыналежить мни ѣщи сказаты кылька слывъ о сеи Козачини, которая въ теперешнихъ такъ трудныхъ прылежитостяхъ, показалась для насъ такъ вохотною, потрыбною и пожиточною, Виврора ***) не вельмы свидома нашихъ сторонъ, барзо несправедлыво привязала до сіого назвыща, яко-сь понятіѣ варварыньства; колы протывно людыны вояцькы, знакомы пидъ тымъ названыѣмъ, видзначаються въ некоторыхъ сторонахъ знаменитымы примитамы, ба наветь вохотною

*) „Рус. Стар", 1900, № 5, с. 458.

**) Рукописи Музея Мицкевича в Париже, № 876. „Listy dotyczace Kozackeij organizacyi".

***) Ричь князя Чарторыського на годовымъ зобранііи публичнымъ Грамотно-Исторычного Товарысьтва 3-го Мая 1855 г." Париж. Типографія Мартинет на улыци Миньонъ, 2. — Теперь эта брошюра — ч р е з в ы ч а й н а я библиографическая редкость. Она печатана и латиницей и кириллицей.

*) Кн. Адам понимал — „народа" п о л ь с к о г о.

**) т. е. члены общества исторических знаний, конечно, а не казаки и не украинцы.

***) Так переводчики перевели „Европу" на укр. яз.

склонностію и вдачностію до просвищеныя. Воны по бытви суть неравно лишого серця и далеко знатниших чутій, ныжъ наймыты Мурому та Москвы. До того мого приспособленыя мишаються такожъ и давни, доселѣ троваючи прыпомленыя молодыхъ моихъ литъ. Тамой була найзнатниша моѣи родыны садыба. Тамъ я ѣщи бачивъ моторныхъ Грановськыхъ издживъ, тай самъ молодымъ будучи басовавъ зъ нымы конемъ. Отець мий неразъ бувало, бумаючи о пришлой доли, наказывав мни ныгды не забуваты храбрости того народа, и їого привязаности и до насъ, и до Польши.

„Я ѣсьма наперше и продовсимъ Полякомъ, про се цилы живитъ мій доводомъ. Але я ѣсьма также Русыномъ та Украинцѣмъ. Предки мои из Лытвы черезъ Русь досталысь до Польши, — и тамъ черезъ кылько викивъ честно праціовалы, щобъ разомъ злучиты сіи три зацьны и дороги живела, щобы ихъ зліяты в ѣдыну братнюю, народнюю цилость..."

„З такимы памятками и сынъ мій, якъ приде пора, — удастьса на восхид. А колы на остатокъ ударыть бажаѣма годына, въ которои Бигъ низволыть штандаръ Польскы на ясны день розвіяты, то и въ той часъ най стыслы узелъ оныхъ трохъ засадныхъ живеливъ, що разъ мицнише одыночыть наши оружи и заживляѣ наши серця братнимъ, нероздильнымъ и справедлывымъ Польськимъ огнемъ!.." *)

Чтобы хорошо понять первую часть речи кн. Адама, надо вспомнить, что как раз в это время в России произошли события, которые, если не вполне, то хотя бы отчасти оправдывали предвидения Чайковского. События эти происходили, быть может, и не совсем на руку польскому дворянству, и не совсем в духе Чайковского, но были связаны с именем „Козаччины".**)

Причина крестьянского движения, охватившего всю Киевшину, заключалась в желании крепостных в правобережной Украине (из бывших казаков и посполитых, закрепощенных, главным образом, польскими помещиками) освободиться от рабства, поводом же послужили манифесты об ополчении (морском и всеобщем). Особенно второй манифест (29 янв. 1855 г.), обращенный „ко всем сословиям Государства", был понят крепостными многих губерний, как призыв вступить свободно, независимо от воли помещиков в ряды войск и тем освободить себя и семью от подданства помещику.

В Киевщине манифест был понят, как призыв „записываться в казаки", и крестьяне целыми уездами стали заявлять о желании своем записаться в казаки и выступит против врага. „Пусть только мудрый царь наш скажет, да позволит нам сесть на коней", — заявил крестьянин Герасименко жандармскому офицеру Громке, — „то мы напомним нечистой турецкой силе гетманщину".

Крестяне с. Черкасс, видя противодействие их порыву со стороны помещиков (поляков), говорили: „Ми готови! Ми не забули ще, як наши діди та прадіди міняли ляхів на баранів".

Священники оказались единственными близкими к народу лицами, которые могли, а по мнению крестьян и должны были составить поголовные списки новых казаков. Народ вынуждал их составлять списки, посылал ходоков к генерал-губернатору, отказываясь иметь какое либо дело с помещиками. Последние или бежали в города, или посылали отряды своих надворных казаков на усмирение (самостоятельно или в помощь малочисленной полиции). Помещики Уманьского уезда с трепетом ждали к Пасхе 1855 г. общего кровавого восстания крестьян 1768 г., повторения знаменитой уманьской резни. Мифический „сын Гонты"должен был явиться и отдать крестьянам все помещичьи земли.

Надежды крестьян были понятны. Они не забыли того, как в 1812 и 1831 г. Украинское казачество в левобережной Украине призывалось на службу в ряды войск против французов и поляков. Между тем, вольное казачество было связано в их уме не только со свободою от помещиков, но и с наделением их землею. Волнения охватили уезды — Уманьский, Сквирский, Таращанский, Васильковский, Коневский, Черкасский, Чигиринский и, наконец, Киевский.

Правительство и Киевский генерал-губернатор, принимая во внимание патриотический элемент движения, вначале действовали слабо. Конечно, не николаевскому правительству и не тогдашней администрации можно приписывать роль подстрекателей (как выразился кн. Чарторыйский, „кровавых дрочителей"). Правительству в равной мере был противен и социальный элемент движения (против крепостного права), и политический (разговоры о „вольном казачестве", о гетманщине и т. п.). Поэтому оно после мер кротости и увещаний, перешло к мерам строгости, применению оружия, а еше больше розог, и движение „козащины" было подавлено, ровно как и волнения крепостных в губерниях великороссийских, совсем не связанные с мыслью о казачестве.*)

Белая польская эмиграция киевской „козаччиной" была поставлена в трудное положение. С одной стороны, она казалась ей полезным для Польши движением, в связи с широкими „вольно-казачьими" планами Чайковского, завоевывавшими все более симпатий. Было бы приятнее, если бы движение происходило на Полтавщине и Черниговщине. С другой стороны, „козаччина" была направлена целиком против польского поместного класса, на защиту которого выступило российское самодержавие и великорусские солдаты. Трудно было при таких обстоятельствах мечтать о п о л ь с к о м повстании в районе, смежном с театром войны. Отсюда колебания кн. Адама, попытки привлечь украинское крестьянство обещаниями обуздать своеволие панов, не отменяя крепостного права.

Однако, на случай расширения восстания на Украине под казачье-украинским флагом и его удачи, кн. Чарторыйский вспоминал о русском („русинском", „украинском") происхождении своего рода и о своих казачьих симпатиях.

„Красная" эмиграция была более расположена поддержать „козаччину", но не как украинское национальное, не как казачье движение, а как попытку к самоосвобождению от крепостного права части польского крестьянства. Милковский поспешил напечатать полученную с Украины рукопись о „казаччине".**)

Из этой же среды (демократической) явилась и попытка к непосредственной агитации в среде украинского крестьянства, и одно из первых, если не первое революционное воззвание на украинском языке. Мы говорили о попытке б. студ. Розенталя и его товарища Скавронского агитировать среди крестьян Таращанского уезда. Но попытка эта не удалась. К тому же она отнюдь не была связана с идеей казачества.***)

Чем дальше развертывалась Крымская война, тем более крепло казакофильство белой польской эмиграции. Чайковскому удалось привлечь на свою сторону Адама Мицкевича, и великий поэт решил поехать на Восток — посмотреть на Оттоманских казаков и посодействовать польскому делу. Вместе с ним отправился и его сын Владислав, и наследник рода Чарторыйских — кн. Владислав, сын Адама Чарторыйского.

11 сент. 1855 г. в ресторане „Tour d' argent", в Париже, состоялся прощальный обед в честь от'езжавшего Мицкевича. На обеде были произнесены знаменательные тосты. Сам Мицкевич поднял бокал в честь Чайковского, „гетмана казачьего", историк А. Ходзько — в честь казачества!

Равита-Гавроньский, в исследовании своем о Чайковском на Востоке, об'ясняет это „характерным для эпохи Садыка" взрывом польского казакофильства. „Все рвались тогда в казаки, — говорит Гавроньский — и Адам Мицкевич, желавший записаться в нерегулярные

*) „Річь", с. 5—7, 11—16.

**) Писавшие о ней авторы из числа усмирителей волнений, называли движение „казащиной".

*) Сведения о „казаччине" 1855 г. об'единены г-жею Инною Игнатоович в ст. „Вольнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г.", „Мин. Годы", 1908, № 4—6.

**) „O powstaniu ludowem na Ukrainie" в книге; Milkowsky „Udzial polakow", s. 205 и сл.

***) Лемке „Крестьянские восстания 1855 г. — Таращанский агитатор И. И. Розенталь", „Красн. Летопись", № 7 1923); Мияковський „Революцийни видозви до укр. народа", Київ, 1920; „Деятели рев. движ.", т. II, ч. 2, с. 354, 375.

казаки (к некрасовцам), потому что он считал себя старым для регулярного казачества, и сын его Владислав Чарторыйский. Последние и были записаны в полк, „где не было ни одного казака", добавляет ядовито Гавроньский.

По его мнению, если Мицкевич и ошибался во взглядах на прошлое значение наддунайского казачества для польских интересов, то он оценил вполне значение его, как школы военной практики".

Ходзько, откровенно и упорно ненавидевший Россию, пошел дальше Мицкевича в своем новоявленном козакофильстве. Он пришел к мысли, что через казачество польское дело вступает в новую область своего развития. Раньше Польша разбилась о казачество, теперь приходил тот же черед для России. Среди казаков всегда господствовал идеал крестьянской свободы, которой не было ни в Польше, ни в России. Если бы Польша освободила хлопов, казачество исчезло бы"...*)

Подводя итоги борьбе противоположных влияний, завязавшийся в 1853—1855 г. г. вокруг проектов Чайковского, мы видим, какую роковую для них роль сыграли с одной стороны католический фанатизм и обостренный национализм части польской эмиграции, с другой стороны политика Англии и германских держав, опасавшихся возбуждения польского вопроса. Тем более неудобными оказались широкие замыслы Ад. Мицкевича и Чайковского, говоривших о широкой борьбе за освобождение народов Российской Империи и, в первую очередь, казачества.

*) Rawita Gawronski, „Studija", t. I, s. 191; „Żywot Ad. Mickewicza, t. IX, s. 420.

М. Забѣлло.

Забайкальское казачье Войско.

(Военно-исторический обзор).

(Окончание).

За 50-летний период существования Забайкальское Войско успело вполне окрепнуть и сорганизоваться. Распоряжениями от 10 июня и 4 и 6 июля 1900 г. казачьи Войска Туркестанского, Сибирского и Приамурского военных округов, а в том числе и Забайкальское, были приведены не военное положение, при чем Забайкальское Войско выставило исключительно из казаков строевого разряда (первоочередных и вызванных со льгот) 7 конных полков 6-ти сотенного состава, 4 конных 4 оруд. батареи, т. е. 69,9% из числа годных к службе казаков. Кроме 2-го Читинского полка, на который была возложена тыловая служба в пределах Забайкальской области все прочие части были распределены по отрядам, действующим в Манджурии и в Печил. провинции Китая. В сентябре 1900 г. началась демобилизация, и к июлю 1901 г. все льготные части были расформированы.

В целях усиления Приамурских казачьих Войск, было повелено еще в 1895 году довести число казачьих конных частей, выставляемых Забайкальским Войском в мирное время с 2 х до 4-х полков, а в военное время — с 4 до 12 полков, число же батарей в военное время — до 4-х. В осуществление этой программы, за 1898—1903 г.г. были сформированы первоочередные: 1-й Нерчинский и 1-й Аргунский и второочередные: 2-й Читинский, 2-й Нерчинский и 2-й Аргунский полки; кроме того, сформированы еще кадры для 2 батарей. Общее же число частей, выставляемых в военное время, было значительно расширено: кроме указанных 9 полков и 4 батарей Забайкальское Войско обязано выставить: 3 казачьих батальона 5-сот. состава, 2 запасных сотни и запасный артиллерийский взвод в 2 орудия.

Из числа первоначальных полков два (1-й Верхнеудинский и 1-й Читинский полки) вместе с 1-й Забайкальской казачьей конной батареей, составляли в конце 1903 г. отдельную Забайкальскую казачью бригаду; 1-й Нерчинский полк входил в состав Уссурийской конной бригады, а 1-й Аргунский полк оставался отдельным; все 4 второочередных полка составляли Забайкальскую казачью дивизию, а третьеочередной (3 Верхнеудинский п.), так же, 2 каз. батареи составляли Забайкальский артил. дивизион, который, вместе со 2-й Забайкальской батареей, входил в состав II Сибирск. арм. корпуса.

Ко времени открытия военных действий с Японией Забайкальское Войско было распределено: 1-я батарея Забайк. арт. дивизиона и 1-й Верхнеудинский полк — в Квантунском укрепленном районе; в районе же сосредоточения Манджурской армии — 1-я Забайк. каз. батарея (в Ляояне 2 ор., в Мукдене 2 ор. и в Фынь-Хуаи-Чене 2 ор.), 1-й Читинский казачий полк (в Мукдене — 1 сотня, в Фынь-Хуан-Чане 4 сотни и 1 сотня вне района сосредоточения, в Шанхай-Гуане и Цинвандао); в Сев. Манчжурии находились: 1-й Аргунский каз. п. и. 2-я Забайк. казачья батарея; в Приамурской области был расположен 1-й Нерчинский каз. п. и., наконец, в Забайкальской области — 2-я батарея Забайк. артиллерийского д-на.

К 1 января 1904 г. служилый состав Забайкальского Войска, за исключением неспособных к военной службе, определялся в 28·412 чел., списочный — в 32.229; в мирное время находилось на службе 4.190, а в военное — 14.997 челов.; первоочередная каз. бригада (1-й Аргунский и 1-й Читинский п. п.) с 1-й Забайкальской каз. батареей составили с самого начала военных действий передовой отряд генерала Мищенко, действовавший за р. Ялу в Корее; 1-й Верхнеудинский полк был поставлен в Дагушане для охраны побережья от Битзыво до Дагушаня. Передовой отряд, произведя разведку (6—8 февраля 1904 г. в Ичжоу, двинулся 11 февр. вглубь Кореи (Перьян), но 18 февраля был отозван к р. Ялу; однако, затем, в первых числах марта, отряд опять вступил в соприкосновение с противником, произведя ряд рекогнисцировок и „потрепав" японцев у Чончжу, после чего перешел обратно за р Ялу.

За 10 дней корейского похода отряд произвел широкую разведку в районе от устья Ялу до Пектона и на восток, через Аньчжу на Пеньян и Нимбен, до устья р. Чончонгана, от Сакчжу до Пакчена.

С переходом за Ялу 1-й Аргунский полк вошел в состав отдельного наблюдательного отряда полковника Трухина (затем полк. Карчева), а отряд генерала Мищенко составили 1-й Читинский п. п. с 1-й Забайкальск. каз. батареей, которые и вели наблюдение за противником, наступавшим к р. Ялу и за морским берегом.

18-го апреля отряд ген. Мищенко отступил на соединение с Восточным отрядом к Пьямынчо и Фынь-Хуан-Чену, а затем получил приказание идти на Шализай и охранять путь к Сюянго и Хайчену; передовому отряду пришлось вынести на своих плечах тяжелую боевую работу в беспрестанных схватках с противником. После ряда боев под Ууаасу, Санзелью и у Сюяня отряд Мищенко отступил к Пумягоу и затем в Вандзяпудзы, откуда был направлен к Сахотону (30 мая) сторожить пути на Гайчжоу. Сдерживая неприятеля рядом Сахотанских боев (10—15 июня), передовой отряд, после 6 месячной беспрерывной боевой работы, в период сосредоточения сил после боев под Дашичао и Хайченом был отозван с передевой линии в Ляоян, вместе с 1-м Аргунским полком и 1-й Забайк. каз. батареей. Затем следовала опять боевая работа под Ляояном, на Шахе, в набеге на Инкоу, в январьском наступлении 2-й армии (действуя на Хуньхе и Ляохе). Словом, отдельная Забайкальская каз. бригада ген. Мищенко вписала в историю Забайкальского Войска не мало ярких страниц, увековечивших отныне боевую славу забайкальских казаков.

Не менее славна история и второочередных п. п. Забайкальского каз. войска, составлявших Забайк. каз. дивизию в отряде ген. Рененкампфа; из этих полков 2-й Нерчинский и 2-й Аргунский п. п. составляли бригаду ген.-майора Любавина; в состав ее временно входили 1-й Аргунский каз. п. и 4-я Забайк. каз. батарея (отдельный наблюдат. отряд полк. Трухина); 2-й Верхнеудинский каз. полк входил в состав Восточного отряда, 2-й Читинский п. находился при полевом Штабе. Что касается деятельности наблюдательного отряда полк. Трухина (затем полк. Карчева), то он до 13 апр. (до момента выделения из отр. генерала Мищенко) производил разведки на р. Ялу и, принимая участие в набеге в Корею, а с 13 апр. охранял левый фланг Восточного отряда. После Тюренченского боя отряд этот вошел в состав отряда ген. Рененкампфа и принимал участие в стычках с передовыми японскими частями до 5-6 июня, когда участвовал в сражении под Сихея-ном. Затем к началу Ляоянских боев отряд был распределен по частям в отряды ген. Орлова, Экка, Дембовского и, наконец, в средн. числах ноября, 1-й Аргунский полк опять вошел в состав отряда ген. Рененкампфа. С 1905 г. полк частью находился в составе 1-й армии, частью 3-й армии и, прикрывая во время Мукденских боев отступление, имел ряд стычек с передовыми частями японцев; с отходом же войск на Сипингайские позиции, полк вошел в состав 2-й Армии и нес разведочную службу.

Забайкальская казачья дивизия с начала войны (полки 2-й очереди были сформированы к 1 янв. 1904 г.) вошла в состав действующей Манчжурской армии. После Тюренченского боя отряд ген. Рененкампфа, выступивший по направлению Фынь-Хуан-Чену, имел столкновение с японцами у Куань-джана 21 апр., у д. Дальфуза 11 мая, у Айянамыня 15 мая, у перевала Фейшуйлин 18 мая' у Саймаузы 19 и 20 мая, у Айянамыня 9 июня, в долине р. Цаохе и т. д. При отступлении Восточный отряд имел дело с японцами у Фанцзяпуцзы 30 июня. К началу Ляоянского боя бригада генерала Любавина имела столкновение с японцами у д. Б. Уйюнин 19 августа и у д. Ваньяпуза 19 августа. Отряд ген. Рененкампфа также принимал деятельное участие в сентябрьском наступлении, в Мукденских боях, и нес разведочную службу на Сипингайских позициях.

По окончании русско-японской войны второочередные полки были расформированы.

Перед Великой войной Забайкальское Войско содержало следующие части: 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский, 1-й Нерчинский и 1-й Аргунский полки конные (первоочередные), 1-ю и 2-ю Забайкальские казабатареи; в военное же время оно выставляло 2-ые и 3-и полки тех же наименований (второ и третьеочередные), 3 и 4-ю каз. батареи, кадры которых содержатся в мирное время. Итого 12 конных полков и 4 конных батареи.

1-й Верхнеудинский полк сформирован из образованного 6 мая 1872 г. Учебного конного дивизиона Забайк. каз. Войска, переформированного в 1878 г. в № 1 конный полк Забайкальского каз. Войска; окончательное — свое наименование полк получил 12 августа 1898 г.

1-й Читинский полк ведет свое происхождение от сформированного 11 декабря 1893 г. № 2 конного полка Забайк. каз. войска, названного 21 окт. 1897 г. 1-м Читинским.

1-й Нерчинский полк образован 1 янв. 1898 г. из 7, 8 и 9 сотен, сформированных в 1897 г. при 1-м Читинском п. и 3-х сотен, вновь сформированных при том же полку; первоначально названный 3-м Забайк. каз. полком, он затем 15 янв. 1898 г. получил свое теперешнее наименование.

1-й Аргунский полк образован 1-го янв. 1900 г. из 7, 8 и 9 сотен сформированных в 1899 году при 1-м Нерчинском полку и новых сотен; тогда же он получил наименование 4-го Забайк. каз. полка, а 17 янв. 1900 г. получил наименование 1-го Аргунского полка Забайк. каз. войска.

1-я Забайкальская батарея сформирована 28 июня 1857 г. при рус. п. п. Заб. каз. Войска, под названием конно-артиллер. батареи № 23 и 12 янв. 1865 г. переименована в 1-ю Забайкальскую конную батарею; 6 мая 1872 г. она была названа 1-й Забайк. конно-артиллер. батареей, 24 мая 1895 г. — 1-й Забайк. каз. батареей.

2-я Забайк. казачья батарея была сформирована одновременно с 1-й при рус. п. п. Забайк. каз. Войска и названа № 24 конно-артиллер. батареей; 12 янв. 1865 г. названа 2-й Забайк. конной, 6 мая 1874 г. — 2-й Забайк. казачьей батареей.

Все поименованные части Забайк. Войска праздновали до последнего времени свои праздники 17 марта; старшинство их не установлено.

В. П. Елисеев. (В. Петров).

Об „интеллигенции".

I.

Нам, вольным казакам, „бывшие вожди" и „прежние деятели" ставят на вид, что яко-бы в наших, вольно-казачих, рядах отсутствует интеллигенция („во всей редакции нет хорошо грамотного человека!.."); что интеллигенция-де с ними, с „прежними вождями" — „единонеделимцами", а среди нас-де — „самостийников" — одни лишь „недоучки", люди „невидные" „безавторитетные" или вовсе... „12 летние малыши" (что мы еще — „изменники", „предатели„ и даже... „большевики", к теме настоящей статьи не относится)...

Просто сказать, нас укоряют „высокоавторитетные прежние деятели" в том, что мы люди вообще малоизвестные, люди „без имени"... Тогда как они!.. Ну, они, конечно... Их „все знают!" (как пишет о себе один из „бывших вождей, ген. Краснов", а также и „прежние деятели")...

И, укоряя вольных казаков в „невидности", (ну а раз в „невидности", так, значит, и в неинтеллигентности"!..), „прежние деятели" и „вожди" строят свое „высокоавторитетное" умозаключение. Они рассуждают...

Если, мол, уже мы — „старые", искушенные в политической деятельности бойцы (собаку, так сказать, с'евшие в этой „политической деятельности"); если уж, мол, мы — при всей нашей „видности", „авторитетности", „интеллигентности" — да принуждены сдать наши обветшавшие позиции, признать себя откровенно „банкротами", и если, мол, уже мы — опытная состарившаяся на своем „ответственном", посту „интеллигенция" — да ничего „определенного" не видим впереди нашими зоркими глазами и предоставили судьбу Казачества в распоряжение „всемогущего времени", — то где же там, мол, им?.. „Не старым", „невидным", „неопытным", „безответственным„ (!), „малограмотным", „мальчишкам" „мнить себя будущими вождями Казачества?... Им — „серым"... — Конечно, — „моральные выродки"... Ни больше, ни меньше, как только — „моральные выродки", а не какие то там „будущие вожди Казачества"...

Что же, собственно, подчеркивает собою кичливое утверждение („точка напора") „прежних деятелей", нервно вопя об отсутствии в вольно-каз. рядах „интеллигенции"? Как понимается в устах „прежних деятелей" — „единонеделимцев" (и как они хотят быть понятыми другими) слово, „интеллигенция"? И чем (каким именно словом) оно в их „высокоавторитетном" воображении отожествляется?..

Ответ ясный: — „Балинов, видимо, не старый человек. — На Дону, среди прежних деятелей Балинова не знали" (Мельников „Р. К." № 7. 1930).

В этих коротких словах вся суть очередной „точки напора" „прежних деятелей", укоряющих нас в „неин-

теллигентности"... „Философия" разложившихся заживо „старых банкротов" -- Раз „на Дону, среди прежних деятелей Балинова не знали", то... То о какой же, мол, там „интеллигенции" можно говорить?.. Другое дело, если бы Балинов был „старым человеком" и „прежним деятелем". Тогда бы да. А так — какой же с него „интеллигент?.." Допустить, чта Балинов вырос, „постарел"?.. Нельзя. — Опоздал. — „Деятельности" нет. Окончилась... Сами патентовые „прежние деятели" сидят да на голубое небо (на „всемогущее время") глядят... Нет. Никак Балинов не может быть „интеллигентом", раз „на Дону, среди прежних деятелей его не знали"...

Конечно, вообще людям, разложившимся и физически и морально всякое сетование свойственно... Все им представляется, что они еще в состоянии тряхнуть „стариной" (своим „прежним авторитетом"). Все новое, молодое, живое им претит, не по вкусу...

Но сетование казачьих „прежних деятелей" — „единонеделимцев" еще горьче. Ведь они не только до самой своей старости „действовали", но еще и умудрились своею „деятельностью" на старости леть (старики, ведь, если еще на Дону были „старыми") сделаться бездыханными „банкротами"... С их „пожизненным авторитетом" да на их мертвом „хроническом" месте хоть кто, так будет нервничать, упрекать... Да еще, если на голову садятся не только что люди „не старые", а (готов вырвать клок волос, если бы они были!..) „желторотые" „12 летние мальчишки"... Иисусом Навином бы стать! Приказать бы солнцу, чтобы остановилось... Чтобы эти „12 летние желторотики" не росли... Но, беда — не станешь и не прикажешь... А потому и делаешь вид, что еще в состоянии делать — „напираешь"...

Теперь если кто был на Дону „не старым человеком", то он, наверняка, „действовал" с винтовкой в окопах. Конечно, таким „действием" (или такою „деятельностью") „прежних деятелей" не проймешь. Такое „действие", по их мнению, „серое" — „неинтеллигентное". „Неинтеллигентное" по заскорузлой „пожизненности" их „высокого авторитета"...

А потому, как бывшие на Дону казачьи интеллигенты, которые в свое время из-за „винтовочного действия" не могли попасть в число „деятелей" — „интеллигентов, так и теперешняя здоровая, энергичная казачья молодежь, окончившая университеты не дома, а здесь, не считаются „прежними деятелями" за интеллигенцию. Рассуждение простое: — „NN не знали среди прежних деятелей" потому, что NN был „не старым человеком", а теперешние 30-35 летние казаки, окончившие здешние университеты, тоже „неизвестны" потому, что были на Дону „12 летними мальчишками"...

Они были на Дону „не старые", а другие вовсе — „мальчишки". И ввиду того, что „деятельность" прекратилась, чем был каждый из них, тем должен и слыть. Одни „невидными", „серыми", а другие, просто, „желторотыми мальчишками"... Исключение еще, б. м., и могло случиться, если бы „всемогущее время" что-либо „за нас сработало". Может быть, кто и „облагородился бы" — может быть, кто за особенные заслуги и был бы принят в „среду прежних деятелей"... Но ведь впереди все потемки, мрак — „неопределенность"... Рассудите же. Откуда же, в самом деле взяться этой „интеллигенции", если ее рост органически (как и „деятельность") прекращен?..

Все же без „интеллигенции", выходит, как будто бы нельзя. Какая то „интеллигенция" все же быть должна... А потому, пока суть да дело (т. е. пока „за нас сработает всомогущее время" да голубое небо), должна быть только (и только!) „интеллигенция прежняя", „старая", „интеллигенция пожизненная, столбовая„ — словом, „интеллигенция прежних деятелей"...

Вывод: Вольные казаки такой „интеллигенции" значит, не имеют. В вольно-казачьих рядах „интеллигенция прежних деятелей", действительно, отсутствует... Да, отсутствует, но только та единонеделимческого толка, или та, что молилась прежде разным Богам... А раз так, то и слава Богу. — К нашему счастью...

Слава Богу, что мы, вольные казаки, не имеем интелигенции толка „прежних деятелей"... погубившей казачье дело.

Не нужна нам такая „интеллигенция". Иначе мы не гарантированы от очередного результата ее „деятельности".

Как и все просвещенные народы, всегда и везде старающиеся подчеркнуть как можно ярче свой национализм, мы, вольные казаки, дорожим и ценим интеллигенцию. Но мы отрекаемся от „интеллигенции прежних деятелей", как оторвавшейся от своего народа и об отсутвии такой „интеллигенции" в наших рядах не не только не „сожалеваем", а радуемся от чистого сердца.

На интеллигенцию свою казачью, мы имеем свой собственный взгляд. Наша задача (и задача одна из важнейших) — имет нашу вольно-казачью интеллигенцию, интеллигенцию своего народа.

Такую интеллигенцию, которая бы понимала душу казака; такую интеллигенцию, сердце которой билось бы в унисон с серцдем казака, было бы в состоянии чувствовать его душевные толчки, болеть его болью и радоваться его радостью. Такую интеллигенццию, которая не гнушалась бы казачьего народсого разума, не игнорировала бы его, не была бы к нему глуха, слепа и нема, а обладала бы к нему (к казачьему народному разуму) самой тонкой чуткостью.

Наша задача иметь такую казачью интеллигенцию, которая была бы в состоянии улавливать все боли и нужды, которыми казак сейчас „болеет". Интеллигенцию, которая бы не гнушалась своего народа, а дорожила, любила бы его и, никого не стыдясь и никого не боясь, при нужде смогла бы умереть ради его счастья.

Весь жизненный интерес нашей интеллигенции должен быть кровно и неразрывно связан с интересом представляемого ею казачьего народа.

Вот какую казачью интеллигенцию мы поставили иметь своей задачей. И только в такой интеллигенции мы имеем нужду (да и всегда Казачество будет иметь нужду в такой интеллигенции, всегда будет стремиться к увеличению ее кадров, ибо чем ни больше будет такой интеллигенции, тем для Казачества, как и для всякого здравомыслящего народа будет выгодней).

Что в такой интеллигенции вольные казаки имеют нужду, это понятно, ибо само Казачество находится в периоде его „собирания"...

Итак, с отсутствием с среде вольных казаков „интеллигенции" толка „прежних деятелей" соглашаемся полностью.

Оговорку же о ней, об этой „интеллигенциии", будем считать лишь как бы „введением"...

А теперь насчет самого главного — насчет „деятельности" „прежних деятелей" — „патентованных интеллигентов"...

„Серые" созидают, а „интеллигенты" разрушают.*)

„За волю казачью, за честь свою неподкупную, за веру православную — поднимайтесь Атаманы - молодцы, Верховые и Низовые казаки"...

Эх ты, Дон Наш Батюшка. Казаки, вы рыцари"...

Циркулярное обращение к дону временного Донского Правителяства от 15 апреля 1918 г.:

„Казаки! близится светлый день освобождения Родного Края, изстари знаменитого Войска Донского, от насильников и грабителей, красноармейцев, купленных слуг проклятой власти большевиков.

Разорена наша Родная Земля, унижен и оскорблен Тихий Дон, но с Божьей помощью начатое вами дело освобождения станиц от красного засилья близится к концу. Необходимо последнее усилие и казачий подвиг восстания не забудется во веки веков. Но рядом с вашими подвигами необходима успешная работа по вос-

*) „Деятельность" ген Краснова (как „вождя„) цитирована по его статье: „Всев. В. Донское", а „деятельность„ „прежних деятелей" — по Донской Летописи № 3 (преимущественно по статье г. Каклюгина: „Донской Атаман П. Н. Краснов и его время").

созданию мирной жизни и укреплению законности и порядка на Родной Земле. Вами с огромными жертвами и рядом подвигов освобождается Тихий Дон, вашим же разумом и волею должна быть организована и власть, избраны люди, способные упрочить казачью победу. По исконному казачьему обычаю, по заветам прадедов — все дела Войска решаются Войсковым Кругом. Временное Донское Правительство считает необходимым созвать „Круг спасения Дона", дабы Круг установил порядок, законность и, избрав Войскового Атамана, тем самым помог бы всю борьбу с большевиками довести до конца..."

Период борьбы Дона с Советской Россией, последовавший после „созидательной работы" калединовских Кругов. „Работы", закончившейся „крахом казачьей и паритетной власти"... Этот период — один из достойных особенного внимания, когда все Донское Казачество сговорилось на спасение Дона...

Так вот. Когда была „разорена наша Родная Земля", тогда, образовавшееся наскоро, времен. Донское Правительство обратилось к Дону с коротким, ясным и определенным призывом — „борьбу с большевиками довести до конца" и „укрепить законность и порядок на Родной Земле"...

Выборы были произведены, и избранные поехали на „Круг Спасения Дона" — спасать Дон...

О составе и деятельности „Круга Спасения Дона" ген. Краснов пишет: „В нем было 130 членов. Это было едва ли не самое народное, или демократическое собрание, какое когда либо бывало. Круг называли с е р ы м. В нем не было интеллигенции. Трусливая интеллигенция сидела в эту пору по подвалам и погребам (между прочим, и сам ген. Краснов в дни начинавшегося восстания на Дону, проживая в ст. Константиновской, явившейся к нему делегации округа, просившей его принять на себя инициативу восстания округа, сказал: „Я казакам не верю и никакого дела иметь не желаю"... В. Е.), трясясь за свою жизнь, или подличили перед комиссарами, записываясь на службу в советы и стараясь устроиться в более или менее невинных учреждениях — по народному образованию, по продовольствию, или по финансовой части. Ей было не до выборов в такое смутное время, когда и выборщики и выбранные играли своими головами. Круг собирался без партийной борьбы. Было не до партий. В Круг выбирали и на Круг были выбраны исключительно казаки, которые страстно желали спасти родной Дон, и для этого готовы были и жизнь свою сложить за него. И полагали жизнь потому, что большинство выборщиков, послав своих делегатов, сами разобрали оружие и пошли спасать Дон. И поэтому название — Круг Спасения Дона — было им, как нельзя более к лицу...

Этот Серый Круг имел одну цель — спасти Дон от большевиков, спасти во что бы то ни стало и какою бы то ни было ценой. Он был истинно народным и потому коротким, мудрым и деловым в своих заседаниях и решениях. Он коротко и просто сказал, что хочет Дон теперь (после „созидательной работы" калединских Кругов. В. Е.): п о р я д к а. Что будет в России он не думал. А пока (? В. Е.) — единственная цель: — спасти Дон... И этот С е р ы й, т.-е. истинно демократический Круг разумом народным и спас Дон. К 15 августа 1918 г., ко времени созыва полного Войскового Круга, большевиков не было на Донской Земле, и не вмешайся в дела Войска („Войско", „Войсковой Круг", „Казачество", как и все „прежние деятели", ген. Краснов пишет с маленькой буквы, тогда как „Русского Кота" — с большой. Его роман: „С нами Бог". В. Е.) ген. Деникин и союзники, может быть, и сейчас Войско Донское существовало бы на тех же основаниях как существует Эстония, Финляндия, Грузия — существовало отдельно от советской России" [слово „советской" ген. Краснов оттеняет... Понимаем... Но пусть ген. Краснов поймет и то, что Эстония, Финляндия и Грузия будут существовать „отдельно" и тогда, когда вместо теперешней советской Росиии будет (если когда-либо будет) всякая другая Россия. В. Е.]...

С е р ы й Круг (или, выражаясь теперешним языком „прежних деятелей", „невидный", малограммотный") спас Дон!.. Без интеллигенции"... Сам. Своим „народным разумом". Не мудрствуя и не лукавя, начертал короткую, но точную формулу: — „спасение Дона заключается в непримиримой, неостанавливающейся ни перед какими жертвами — материальными и людскими — всенародной вооруженной борьбе Казачества с советской властью" — и, следуя ей, спас Дон... Коротко и ясно... Решил и спас... В основу спасения Дона Серый Круг положил решительную и глубокую борозду полного отмежевания Казачества от русских большевиков. Он четко осознал полную несовместимость Казачества и русского большевизма (России). И все спасение Родной Земли от Красной России построил исключительно на полной государственной самостоятельности Дона. Иначе какое либо спасение Дона этот Серый Круг мыслить не мог... Потому что, восставшие „серые донцы посылали своих делегатов на „Круг Спасения Дона" с точно выраженным credo. Тогда „по привольной Донской степи словно грозный клич Кондратия Булавина:

— За волю казачью, за честь свою неподкупную, за веру православную — поднимайтесь Атаманы-молодцы, Верховые и Низовые казаки"... Значит избранные только и могли говорить на Круге: о „воле казачьей", о „чести неподкупной"...

Этот то готовый клич знаменитого атамана, атамана воли и полной ни от кого независимости, и зажег Дон горячим порывом спасения Родной Земли. — „К оружию"!.. И от стара до мала Дон взялся за оружие (исключение составляет только та часть „интеллигенции", которая сидела по подвалам и погребам").

— „К оружию"! — приказал повелительно Дон его казакам...

... „И взволновался Тихий Дон. Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали, как нежная струна... Звенит и плачет и зовет... То Край родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол"...

Многоводной алой рекой полилась по Донской Земле казачья кровь... „Укреплялись законность и порядок на Родной Земле". — Строилось Казачье Царство... Укрепляли и строили „серые", „малограмотные" люди. Раз'езжаясь, они организованной ими Власти вменили в обязанность продолжать дальнейшее „упрощение казачьей победы"... Власть осталась действовать.

Начало ее „деятельности":

Приказ Всевеликому Войску Донскому № 1:

„Волею Круга Спасения Дона я избран на пост Донского Атамана с предоставлением мне полной власти во всем об'еме. Об'являю при сем „Основные Законы Всевеликого Войска Донского", предписываю всем ведомствам, учреждениям и всем вообще казакам и гражданам Войска Донского ими руководствоваться"...

Указав на всю тяжесть принимаемого им управления Войском и призвав население к полному спокойствию в стране, Атаман пишет:

... „Казаки и граждане, нас спасет только общая работа. Пусть каждый станет на свое дело, большое и маленькое, какое бы то ни было, и поведет его с полною и несокрушимою силою, честно и добросовестно. Вы, хозяева своей земли, украшайте ее своею работою и трудами, а Бог благословит труды наши. Бросьте пустые разговоры и приступите к деловой работе.., А обо мне знайте, что для меня дороже всего честь, слава и процветание Всевеликого Войска Донского, выше которого для меня нет ничего. Моя присяга Вам, казакам и гражданам, вам доблестные спасители Родины, члены Круга Спасения Дона, служить интересам Войска честно и нелицемерно, не зная не свойства, ни родства; не щадя ни здоровья, ни жизни. Об одном молю Бога, чтобы Он помог мне нести тяжелый крест, который вы на меня возложили"...

Вполне понятно. Все так, как и следует...

— „Для меня (как и для каждого казака. В. Е.) дороже всего честь, слава и процветание Всевеликого Войска Донского, выше которого для меня нет ничего... Моя присяга вам, казакам и гражданам, вам доблестные спасители Родины, члены Круга Спасения Дона, — служить интересам Войска честно и нелицемерно"... Служба и интересы Атамана вполне гармонируют со

службой и интересами Войска, ибо Донское Казачество свою службу Войску понимало точно так же, как пишет Атаман...

К приказу Атамана были приложены и „Основные Законы Всев. В. Донского". В этих „Основных Законах Всев. В. Донского" Круг Спасения Дона не обмолвился о России абсолютно ни одним словом, а тем более о каком то, могущем случиться в будушем, спасении ее Доном... Этими „Осн. Зак. Всев. В. Д.", принятыми Кругом Спасения Дона 4 апр. 1918 г., предписывалось Атаману и Правительству руководствоваться „впредь до созыва Большого Войскового Круга".

Но эти „Основ. Зак. Всев. В. Д." с первого же дня их принятия и утверждения Кругом Спасения Дона „создали Атаману многих врагов"... Атаман пишет: — „Та часть интеллигенции, которая пряталась до сих пор по подвалам и погребам и вылезла наружу, как только исчезли большевики, стала упрекать Атамана в стремлении к проведению принцица l'état c'est moi. Стремящаяся к власти, воспитанная на критике ради критики, на разрушении, а не на творчестве, она (т.-е. „интеллигенция"! В. Е.) повела широкую кампанию против Атамана"...

Не мы порицаем „прятавшуюся тогда по подвалам и погребам интеллигенцию, воспитанную на критике ради критики, на разрушении, а не на творчестве"... Мы только констатируем факт „деятельности" „бывшей интеллигенции", стремившейся тогда к власти, претендовавшей, так сказать, на „видность". И констатируем это словами бывшего тогда „вождя"...

— „Атаман восстановил старинное до-Петровское имя „Всевеликое Войско Донское", и все Войско от казака до генерала подхватило это имя. В Новочерасске спешно печатались свои уставы, широко распространялась история Войска, писали его географию, составляли особую хрестоматию. В школах и гимназиях после молитв дружно пели „Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон", и гимн этот подхлестывал и взвинчивал, как марсельеза. На школьных праздниках в ученических выступлениях неизменно фигурировало полное горячей любви к Родине стихотворение в прозе Донского писателя Ф. Крюкова, „Родимый Край", и над ним плакали. Была мысль одеть Донскую Армию в особую от русской форму, но этому воспротивились: Командующий Армией, ген. Денисов и Атаман (? В. Е). Над дворцом гордо реял сине-желто-красный флаг, и Новочеркасские жители ходили им любоваться. Все это было „свое", особенное, новое, принадлежащее „Всевеликому Войску Донскому"...

Казалось бы, что нужно было только радоваться „своему", „особенному", „новому", „принадлежащему" Всевеликому В. Донскому. Радоваться и работать всем сообща на укрепление Всев. В. Д. — на его спасение. А тут на тебе — „враги"... В чем же дело? Где причина? Причина „разрушительной" работы интеллигенции"?.. — Причина эта, видите ли, — в „учении"... В разном понятии „интеллигенцией" („вождем" и „деятелями") с п а с е н и я Д о н а...

(Окончание следует).

Думы и мысли.

Корабль казачьей политики.

Пять долгих и тяжелых в эмиграции проведенных лет Антип Архипович А. ждал сигнального звука. Ждал звука с остановившегося корабля „Казачьей Политики", который возвестил бы всюду расбросанным казакам сбор на борьбу за свое Казачье Отечество. Ждал он сигнала, который бы собрал всех казачьих сынов воедино, под окрылье родного стяга, под которым много лет боролись и проливали свою кровь славные наши предки, казаки.

Время проходило, но сигнала все не было и не было. И при таком положении ему, Антипу Архиповичу, надоело сидеть и у моря погоды ждать. Так поведал он мне перед своим от'ездом в 1926 г. Уехал он туда, где донские необ'ятные степи с бескрайним казачьим раздольем...

Знавал я Антипа Архиповича с тех времен, когда мы с ним были дома. Был он стариком бывалым, все видавшим и все знающим не только на свой хутор, но и на всю станицу. К тому же, он еще был начитанным казаком; выписывал газеты и журналы даже из заграницы, в которых часто находил описания подвигов казаков. Но больше всего знал я его потому, что он больше всех проповедывал о былом, о казачьем прошлом, свободе казачьей, а часто вещал и нечто из будущего. Честно и достойно он умел поучать и напутствовать казачат — уметь любить и ценить свой казачий край.

Соберет он, бывало, в то время в праздник или воскресенье стаю казачат у себя возле дома, на завалинке, откуда была видна вся красующаяся на солнце донская понорама, и начнет им рассказывать о былом казачьем добре и зле еще с тех времен (XV, XVI, XVII), когда предки наши храбро добывали самостоятельную, вольную жизнь. В те времена наши предки не ездили никуда за советами, а жили своим умом и разумом, по своему, без каких либо опекунов, своим казачьим кошем... И вот прошли годы, изменились времена и Антипу Архиповичу пришлось, как и всем нам, пройти все взгоды и невзгоды. Пережил он и Черноморскую и Крымскую катастрофы; был он оставлен, но все же не пропал и своими стараниями выбрался из беды и очутился здесь, заграницей.

Здесь же в далекой чужине, после пятилетней тяжелой, часто непосильной для его лет работы, его старческие руки все больше и больше теряли свою работоспособность. Долго боролся он с новой бедой и с горечью видел, что казачий корабль с места не двигается. Год за годом уходил, а он все стоял и стоял...

„Почему он стоит? — часто думал он про себя. Некому ли взяться за него, не могут, или не хотят, или просто под влиянием русских не смеют подойти к нему его старые рулевые?"

И от долгой стоянки, не дождавшись его движения, с него пассажиры-казаки с незаконченного пути в разные стороны и по разным путям побрели. Одни на фабрики, другие на шахты, третьи на полевые работы, а многие с горечью на сердце обратно туда, откуда прибыли. Тяжело и горько было смотреть, как остатки некогда сильного Казачества распылялись.

Подумал, потужил, а потом и порешил Антип Архипович избрать себе путь, путь по обратной дороге, дабы возвратиться в родные степи и там с миром положить кости на вечный покой. Другого исхода ему не было; одиноким, без чьего либо призора оставаться здесь, в одном из глухих сел, он не решился. И он уехал, не дождавшись движения казачьего корабля.

Но вскоре, после от'езда его, к стоявшему кораблю казачьей политики явился кормчий не из бояр и дворян, а из простых казаков. Не долго в то время пришлось кормчему думать и избирать себе путь, так как он давно и с давних времен нашими предками был избран. Левой рукой он взял за руль, а правой рукой нажал на сигнал, который в пространстве широком, утром холодным 10 декабря 1927 года зазвучал — „Вольное Казачество-Вільне Козацтво" — за право казачье, за казачью свободу, во имя исполнения заветов предков своих, все к нему, все под одно знамя...

И на первый сигнал рулевого стали отзвуками откликаться из за морей и океанов, один за другим патриоты-казаки. Долго боролся рулевой и не легко было ему уже занесенный песком корабль казачьей политики двинуть снова вперед по старой казачьей дороге. Но он свою задуманную мысль напором нелегкой работы все же осуществил. Осуществил он ее не для себя, а для всех тех, в ком не прекратилось биться казачье сердце. И с тех пор казачий корабль поплыл все

вперед и вперед и на пути своем он подбирает под сень казачьего стяга всех разбредшихся патриотов-казаков, тех, которые с каждым днем все больше и больше ему шлют свое: слышу!

— Вот на этих то днях прислал, как по волнам воздушного тока, тот, кто ждал и не дождался сигнала, также свое: слышу!

А сколько их там таковых, как Антип Архипович! Все они шлют, но до корабля эти посылки еще не доходят. Будем верить, что настанет то время, когда будет свободная перекличка между нами и ими, а это будет тогда, когда корабль казачьей политики причалит борты свои к берегу родной Казакии.

Так посему, ты, наш рулевой из простых казаков, наляжь еще больше на сигнал и пошли им пока, всем там верным сынам: „Терпите, мужайтесь, не падайте духом, мы вас слышим и казачий корабль под знаменем Казакии возродился и идет вам навстречу.

Георгий Алферов.

Мрамораk. 7-X-32 г.

Столпотворение Вавилонское.

II. Смешение языков.

В Белграде выходит ежемесячный журнал и называется он „Кавказский Казак". Руководитель этого журнала решил разоблачить В. К., но прежде чем разоблачить „ВК", он сначала и в своей статье выдает себя с ног до головы, а потом скрывается за псевдоним „Хуторянин". Хуторянин в своем журнале пишет, что на острове Лемносе он был назначен Начальником Походного Штаба: „По приезде на остров Лемнос назначая меня на пост Нач. Поход. Штаба..." После этого сам по себе вспоминает вопрос: надо ли „Нач. Поход. Штаба" укрываться или маскироваться после того, как обнаружил себя противнику и, что главное, не на поле военных действий, а в мирной гражданской жизни и на страницах журнала? Возможно, что бывают и такие „Нач. Шт., что сначала открывают боевые карты противнику, я потом уже маскируют свои части и мы видим, что двенадцать лет от казаков маскируются, а казаки доверчиво ждут побед. Теперь уже ясно, что „Хуторянин" есть „Войсковой писарь", а последний есть „Нач. Поход. Штаба", он же есть полк. Соламахин, живущий в Белграде, но в борьбе против „ВК" приписал себя к корреспонденту из Смедерево и на страницах своего журнала, защищая корреспондента из Смедерево, вернее и точнее Соламахин Соламахина, с претензией он пишет: „Ведь это же не по казачьи, тем более, что корреспонденция „Хуторянина" из Смедерево таже признала победу вольных казаков при голосовании 22 мая с. г., и вся статья составлена в выдержанных и спокойных тонах, не дающих поводов для волноказачьих некорректных выпадов (см. „Кав. Каз." № 109, стр. 19).

Г. Соламахин, согнув ложь в дугу, требует все права и преимущества на уважение и желая одержать победу над вольными казаками, „Нач. Штаба" приступил к „разоблачению" В. К. Охотно представляю читателю жур. „ВК" это „разоблачение". Вот оно: „Естественно, что у меня завязалась переписка с вольными казаками и я довольно подробно знал, что там происходит. О своей переписке я осведомлял В. Атамана, рассматривая В. К. не как самоцель, а как средство в борьбе с большевиками".

Остаюсь благодарным Нач. Шт. за его разоблачение, а я, ведь, не знал, что Центр В. К. идет к казачьей самоцели, что главное для меня и для казачьей массы и что неприятно для хамелеонов. Если это так, то дай Бог, чтобы Центр „ВК" все время шел к казачьей самоцели и только к казачьей самоцели.

Статья „Хуторянина" представляет из себя бахвальную саморекламу автора, а для доказательства условлюся с читателем жур. „В. К.", что буду избегать голословия и приведу одну из сторон рекламы „Хуторянина". Рекламируя себя, он пишет: „приняв к исполнению задачу, вытекавшую из вышеприведенных слов В. Атамана, я в течении прошедших 11 лет и вел работу в духе сложения Кубанских сил. И все, что шло на укрепление единства Войска, мною приветствовалось и поощрялось, а с теми, кто вел работу на вычитание Войсковых сил, я боролся доступными мерами, осуждая их иногда бессознательную работу на разрушение Войска" (см. „КК" № 108 стр. 14).

Прежде чем разобраться в „сознательной и бессознательной работе" и о том, что шло „на укрепление единства Войска", надо воспроизвести несколько выдержек из руководимого им журнала „Вольная Кубань". Последний переименован „в зависимости от изменяющихся условий реальной обстановки" в журнал „Кавказский Казак". После этого перед нами предстанет работа „Хуторянина", или то, что им „приветствовалось", и поощрялось", вернее и точнее, речь будет идти о смешении языков. Для наглядности приведу ряд „политических языков" из жур. „Кавк. Казак".

Первый язык: „Наш казачий правый фланг обозначается кирилловцами, присягнувшими зарубежному эмигрантскому царю, а левый фланг представляют последователи течения, проводимого Пражским журналом „В. К." („КК" № 108, стр. 18).

Второй язык: „Вот как протянулись казачьи пути, казачьи линии, казачье родство и кровное и духовное, связались вольным казачьим духом и вольным казачьим служением России и Казачеству „КК № 107, стр. 16).

Третий язык: „Казачество необходимо отстаивать и оно будет самостоятельно и сильно в России и с Россией, а не вне ее" („КК" № 107, стр. 21).

Четвертый язык: „Рухнул Царизм и рухнула с нею святая и православная Русь". И дальше: „Ветер дует, они развиваются и как бы машут руками и призывают вас, доблестных героев, на защиту святой Матушки Руси, и святых его святынь, соборов и церквей и православного русского народа, но скажем не всего народа, а которым нужна святая православная вера и дороже всего на свете свое родное отечество и Царь-Батюшка (жур. „Вольная Кубань", № 89, стр. 7).

Язык ген. Шкуро: „За теми ли, кто до зубов вооружен перьями, карандашами и языком, здорово шлепающим, или за теми, кто сам пойдет впереди с шашкой и винтовкой в руках и великой верой в сердце и жизнь свою положит за веру православную, за честь казачью, за край Родной!.."

Как я уже условился воспроизвести выдержки из ряда статей жур. „Кав. Каз." С тем, чтобы дать возможность читателю наглядно увидеть без посторонних и быть может пристрастных выводов „на сознательную" работу руководителя этого журнала. Моя же задача — буду идти по документальным данным к примерам и фактам, избегая голословия, каковое сыпется со страниц жур. „КК" по адресу вольных казаков.

Коротко говоря, у руководителя журнала все смешалось: отрицание — с признанием царя-батюшки; Вольная Кубань с вольностями — не доходя до самоцели; самостоятельная жизнь Казачества в „России" и, что ново, ген. Шкуро оставил верноподданейшую службу и стал за Край Родной. Вообще снова воцарились: детский лепет, ложь и обман, которые довели Казачество до Черноморской трагедии.

И так, руководитель жур. „К. К.", высказываясь о казаках кирилловцах, отрицает правый фланг. Законы элементарной логики говорят, что там, где бывают отрицания или утверждения того или иного, то колебаниям и противоречиям не место. Но, однако, руководитель „КК" допускает в журнале, как бы с информационной целью, противоречащие статьи и корреспонденции. Примером может служить „Вольная Кубань" и „царь-батюшка"!

Позвольте спросить, что это со стороны руководителя? Что заставило его прибегнуть к провокаторской работе над священной догмой Вольной Кубани? — Или это те признания „Хуторянина", что он „в течении 11 лет и вел работу в духе сложения Кубанских сил"? Если это признать за „сознательную" работу со стороны руководителя „КК", то как можно сложить понятия о „Вольной Кубани" с понятиями о царе-батюшке? Если же это было бессознательной работой, то почему „Хуторянин" по сию пору водворяет среди казаков смешение политических языков тем более, что в 1924 и 1926 годах, когда шла политическая борьба между правыми казаками во главе с ген. Красновым и Об'е-

диненным Сов. Д. К. Т., то от имени последнего предупреждали казаков, что В. Атаманы защищают вольности казачьи „без всяких ковычек“ и что вольности казачьи не левый казачий фланг, как это утверждает г. Соламахин.

За опровержением утверждений Соламахина и к доказательствам, что вольности казачьи есть не левый фланг, обратимся к общеказачьему официозу и предоставим слово Н. М. Мельникову от имени Об'ед. Сов. Д. К. и Т., раз'яснить г. Соламахину, ибо как тот касался, так и другой касается правых казаков и вольностей казачьих. Раз'ясиения Н. М. Мельникова:

„Не принимая программы ни правых, ни левых казаков, Об'единенный Совет остается на своей платформе — общеказачьей, которая может сплотить в одно целое всех казаков, не вошедших в политические партии. Мы знаем, что гуща казачья стоит на этой платформе, ибо масса казачья желает быть вне партий и хочет остаться только казаками.“

И дальше: „Есть, конечно, как мы уже говорили, и у нас крайние правые, и им не нравится самое слово „народоправство“, но в таком случае они должны быть последовательны и должны открыто заявить, что они не за выборного, а за Наказного Атамана, что они против идеи Войского Круга, так как Войсковой Круг, Выборный Атаман — это народоправство. Мы говорили, конечно, не о том „Войсковом Круге“ в кавычках, который был до 1917 года, не о параде, не о праздниках, а о настоящем Войсковом Круге, о настоящих вольностях казачьих без всяких кавычек. В заключение, позволю обратиться с советом к тем казакам, которым дороги казачьи вольности, которые дорожат седой стариной Тихого Вольного Дона, гордятся заслугами казачества и его славой: хорошенько ознакомтесь с книгой „Россия и Дон“, которую издала Донская Историческая Комиссия. Казаки мало знают свою историю, а знать ее необходимо. Большевики открыто ведут работу, направленную на уничтожение казачества, будут подкопы и с другой стороны, направленные на уничтожение вольностей казачьих... Казаки должны знать свою славную историю, дух казачий должен гореть в них ярким огнем — тогда они не сделают ошибки“... (См. жур. „Казачьи Думы“ № 30 (14) от 1924 г. стр. 8).

От имени Об'ед. Сов. Д. К. и Т. г. Мельников когда то все сказал и о всем казачьем: не о правой, не о левой, чуждой казачеству, программе, а об общеказачьей платформе, „ибо мааса казачья желает быть вне партий и хочет остаться казаками“. Подчеркнул он о казачьем народоправстве и „о настоящих вольностях казачьих без кавычек“. Все сказанное Мельниковым в те времена, вольные казаки целиком воспринимают и подчеркивают, ибо это — казачий идеал нации, за что боролось все Казачество в своем целом с 1917 по 1920 г. Ныне, за идеал нации, славную историю и дух казачий продолжают бороться вольные казаки „без всяких кавычек“. Как же мот Соламахин писать, скрываясь за псевдоним „Хуторянин“, что „левый фланг представляют последователи течения, проводимого Пражским журналом „В. Казачество“, когда Н. Мельников от имени Об'ед. Совета опровергает его и себя, т. е Н. Мельникова настоящих времен.

В то время как г. Мельников говорил „о настоящих вольностях казачьих, без всяких кавычек“ и доказывал казакам, что „большевики открыто ведут работу, направленную на уничтожение казачества, будут подкопы и с другой стороны, направленные на уничтожение вольностей казачьих“, Соламахин доказывает обратное, что вольности казачьи — левый фланг и в адрес вольных казаков, которые защищают „вольности казачьи без всяких кавычек“. он говорит: „И призывы к ненависти и дроблению антибольшевицких сил, слышанные мною здесь и печатаемые в журнале „ВК“ глубоко печалят души, ибо из каких бы побуждений они не делались, все равно идут на руку большевикам“.

Ополчился и ген. Науменко на вольных казаков, равняя их с большевиками и приписывает им большевицкие обещания, в то время как вольные казаки никому ничего не обещали, а наоборот писали и пишут: „Труден путь „ВК“, но трудность пути не может умалить привлекательность цели, ослабить ее осуществимость! На этом пути будут еще провокации. Цель ВК — святая цель, к ней казаки должны стремиться с чистыми руками, с чистой совестью и чистыми путями! Не делайте поспешного умозаключения на основании чьих бы то ни было голословных, односторонних утверждений, а читайте и то, что пишет и делает противная сторона, сличайте, сравнивайте, обсуждайте и только своим холодным разумом проанализировав, взвесив все за и против, прислушиваясь к своему горячему казачьему сердцу, старайтесь понять где правда, где ложь!“ („ВК“ № 96, стр. 28).

Скажем им: Науменко, Богаевскому, Мельникову и Соламахину, — они теперь все вместе и „с другой стороны“ ведут работу, направленную „на уничтожение вольностей казачьих“, в чем они сами предостерегали казачью массу. Во всех случаях, когда идет предательская работа их по отношению к Казачеству, то проповедь „ВК“ им бывает не по нутру, а поэтому „фарисеи“ окрестили работу вольных казаков „безумной игрой“: „Безумная игра самостийников, продолжающая в чисто в большевицком духе травля, в их журнале вождей и руководителей“... (См. „Р. К.“ № 6 от 1931 г., стр. 16).

Возможно, что это „безумная игра“ и возможно над памятью наших правителей, которые передали нам завет жить самостоятельно и независимо, но только „игра“ не самостийников, а некоторой части войсковой старшины и в частности руководителя жур. „К. К.“, поместившего статейку недостойную памяти наших предков, где говорится: „Вот как протянулись казачьи пути, казачьи линии, казачье родство и кровное и духовное, связались вольным казачьим духом и вольным казачьим служением России и Казачеству“. Автор этой статейки скрылся за псевдоним „Казачий писарь“ (См. „К. К.“ № 107, стр. 19).

Допустимо ли со стороны казака, скрывшегося за псевдоним „Казачий писарь“, такое издевательство над памятью прошлых казачьих поколений, когда каждый казак знает „кровное родство“ Петра I с Казачеством и „Россией“ всех времен... Действительно, в петровские времена „протянулись“, но только не казачьи пути, а казачьи плоты по Дону, что послужило как примером для Екатерины расправиться с Запорожской Сечью.

Если кто из русских и ощущал духовное родство к Казачеству и жил „вольно-казачьим духом“, то они старались жить среди Казачества, а не казаки среди русских. С большим „рвением“ вспоминает о предках Грызов, называя их „какие то казаки“, а в адрес „ВК“ говорит: „И если казаки теперь, по „ВК“, будто бы вправе вспоминать свои обиды за прежнее содеянное Российскими властями и, будто бы, русским народом, то почему же и русский народ не вправе был бы вспоминать или вспомнить, что когда то, какие то казаки бунтовали против Российской идеи и против всего русского народа, принявшего эту идею“... („К. К.“ № 107, стр. 21).

Во-первых у того народа, который ныне называется русским, не было никакой идеи, о чем свидетельствует изречение: „земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет“, а вторым подтверждением является русская революция. Русским идеи приносили иноземцы, что подтверждает и Грызов тем, что говорит в своей статье в адрес русского народа, как „принявшего эту идею„.

У русских нет идеи, как таковой, а есть: у г. Милюкова одна российская идейка, у г. Гукасова другая идейка, у г. Керенского третья идейка... Подобное явление отразилось и на казачьих „вождях“, воспитанных на „дне русской культуры“ и на основании своей формулы „мы русские казаки“, не имея гражданского мужества самостоятельно командывать своими собственными носами, они поэтому плавают в виде ветродуев по всем волнам и ветрам российских политических идеек...

Вольные казаки не вспоминают, а напоминают многострадальному Казачеству, что российское правительство всех времен уничтожало Казачество по двум путям: 1. В порядке внешних войн, не нужных для Казачества и внутренних репрессий с крестьянством и дру-

гими племенами, 2. В порядке всевозможных переселений, вплоть до уничтожения целых Войск, превращая казаков в ставропольских и др. мужиков...

После недостойной выходки по адресу своих предков, Грызов касается будущего устройства Казачества и говорит: „Казачество необходимо отстаивать и оно будет самостоятельно и сильно в России и с Россией, а не вне ея". На такой абсурд, как и на всю его статейку, можно было бы не отвечать, но необходимо все же подчеркнуть этот детский лепет... Получается впечатление, что в самостоятельном государстве можно построить самостоятельное государство. Возможно, что Грызов занимался подобной акробатикой и строил у себя в своем самостоятельном хозяйстве, самостоятельное хозяйство, а поэтому и предоставим мертвому самостоятельно выкопать себе могилу.

Ив. Скобелин.

(Продолжение следует).

В Монтаржи.

Вот уже несколько лет, как в Монтаржи образовалась Общеказачья станица. Сначала был атаманом кубанец, а потом донцы. Я лично тоже состоял в станице, но последнее время оставил ее, видя, что хорошего от этого нет ничего.

Все те атаманы — единонеделимческого толка и всецело тянут руку за Россию. В общем, для них интересы России выше и дороже интересов Казачества.

Вот уже 12 лет, как мы скитаемся по чужим землям и сколько еще придется нам так странствовать — одному Богу известно. А что же делается на верхах наших казачьих? Что думают те, кому мы, рядовые казаки, вручили судьбы наших Краев? Одни об'явили себя банкротами, другие обратились в шарманщиков и наигрывают нам русскую музыку — „зачем нам разлучаться, зачем в разлуке жить; не лучше-ль повенчаться"... и т. д. Те и другие льнут к „пожизненным" Войсковым Атаманам, а эти ведут себя, как наказные атаманы, и совместно с русскими генералами надеются на русского „Ваньку" — „богоносца". А спросили ли они его, — он-то хочет их или нет?

Давайте оглянемся немножечко назад, вспомним историю и хорошенько в нее вдумаемся. Почти 300 лет татарского ига над Русью, да 250 лет крепостного права русских бар над русским же „Ванькой, 300 лет царствования дома Романовых, а вернее — немецкой династии и, наконец, 15 лет владычества над Россией русских же большевиков... Сами русские люди теперь похоронили свою Россию, а за одно обездолили и другие народы.

А сколько встарь потрудились казаки для величия России! Так, напр., в войне против Наполеона, в смутное время, когда возвели на русский престол царя М. Романова, и много других примеров, где Казачество того времени играло решающую роль. Да, наконец, 1918 г. показал, как Казачество, само освободившись, попробовало освобождать единую-неделимую. Казаки хорошо знают, — что из этого вышло.

До чего же мы дожили теперь, братья казаки? Наши верховодители снова указывают нам самый кратчайший путь — прямо на Москву; снова хотят, чтобы рядовое казачество опять беспрекословно их слушало и исполняло их волю. Где же есть правда? Братья казаки, подумайте и скажите — кто для кого: Атаманы для нас или мы для Атаманов? Нас называют большевиками, изменниками России и, считая себя истинно русскими людьми, ненавидят вольно-казачье движение. И все это в нашей среде, а о русских уже и говорить не приходится. Значит, два века совместного жительства с русскими для нас не прошли даром: некоторые из казаков превратились таки в русаков. Но тогда зачем же толковать о казачьих организациях, станицах и хуторах? Давайте просто закончим историю Казачества, сдадим его в архив и скажем, что мы больше не казаки, а русаки. Пусть там, далеко в наших краях, наших братьев и сестер расказачивают красные москвичи, а мы тут сами добровольно откажемся от самих себя, от своего казачества и покоримся белым москвичам перестав совсем думать о своем народе, о своей нации. — Но нет, где бы ни был казак, — он прежде всего, скажет, что он казак и никогда не захочет стать русаком.

Братья казаки, ведь всего только два века тому назад Казачество не было частью России жило свободно, вольготно, ни от кого не зависело, имело свои Круги и Рады, своих выборных Атаманов. Потом, позже, живя под протекторатом России, постепенно потеряло все свои права; лишилось Кругов, Рад и Войсковых Атаманов. Но потом снова все вернуло полностью; однако, к великому нашему несчастью, не сумело этого удержать, закрепить, потому что в 1917 году казаки разделились на три лагеря: одни восстали и боролись за Казачество, за его свободу по заветам наших предков, а другие и третьи в то же время боролись за Россию — красную или белую, но против Казачества. Вот эти деления и погубили нас, а виновники этого деления живут среди нас и по сей день и хотят снова нас обмануть и поделить, чтобы опять ослабить силу казачью.

Зачем закрывать глаза? Мы видели уже три России: царскую, Временного Правительства во главе с Керенским и красную большевицкую; ни с одной из них нам, казакам, не по пути.

Братья казаки, мы должны забыть теперь все распри и обиды между собою; начиная от самого высокообразованного и кончая самым неграмотным казаком, мы должны сомкнуться во единую казачью цепь-лаву и твердо встать на чисто казачью дорогу.

Теперь Казачество, учитывая свои промахи в прошлом, многому научилось и потому становится на праведный путь. Я и многие другие казаки в Монтаржи приветствуем путь Вольного Казачества, путь к Казакии, мы верим и надеемся, что скоро наши желания сбудутся и мы можем тогда громко на весь мир крикнуть: Казачество было, есть и будет! Казачьи земли, политые кровью наших предков и нас самих, должны быть свободными, ни от кого независимыми. Никаких посягательств на них со стороны мы не потерпим!

Братья казаки, не бойтесь угроз со стороны наших противников. Идите смело с открытой душой в ряды ВК. Никакие угрозы нам не страшны, ибо за нами правда и сила.

Вольный казак **С. Ткаченко.**

Монтаржи. Франция.
25-9-32 г.

В редакцию „ВК" все чаще обращаются казаки за материальной помощью. Настоящим предупреждаем, что мы не имеем никакой возможности вести в настоящее трудное время какую бы то ни было помощную акцию, тем более, что это и не входит в наши непосредственные задачи.

Предупреждаем точно также, что не имеем намерения ставить перед собой вопроса об организации материальной помощи и в будущем, ибо в прошлом такие наши попытки по отношению к некоторым своим сотрудникам принесли несомненный вред ВК движению, сделав ряд лиц, которым помощь оказывалась, но которой мы не могли обратить им в пожизненную пенсию, самыми активными теперь противниками ВК и тех, кто такую помощь оказывал.

Станишникам Билому и Соламахину добрососедский совет.

Дорогие станишники, прямо невтерпеж становится от нетерпения, так я уж заинтересовался дуэльным вопросом промежду вами. Потому дозвольте мне вмешаться с добрососедским советом.

Попервах должон сказать, что станишник Билый дюже отсталым человеком себя выказывает в этом деле. Прямо не в наше время бы ему жить. Помилуйте!.. В наше время он ожидал какой то джентльменской, порядошной дуэли, прямо как мичман какой-то из морских рассказов К. М. Станюковича. Ему бы, верно, хотелось так: Томная красавица луна, медленно плывущая по бездонному небу, усеянному мириадами звезд, точно бриллианты на темносинем бархате сверкающими тысячами огней; легкий, белоснежный фрегат, как чудная птица скользящая по осеребрянной глади моря и две стройные фигуры в белых кителях, вынимающие по сверкающему пистолету из ящиков красного дерева...

Да разиже ето можно в наше время! Ить, люди могут вконец засмеять. Нет, отсталый человек станишник Билый! Да и оружие он выбрал никудышнее! Я хороший пращевик был, да и то только третьей картечью попадал в голову нашего петуха. Пращ не годится для дуэльев; это я могу выразить без сумленьев.

А вот Саломáха парень — непромáха! Это да! это я понимаю! Точно можно сказать, человек вровень в ногу с временем идет. Вполне современный. Ево Билый на казачий суд чести тянет, а он ево, не будь дурак, без усяких там судов из „викерса“ изрешетить желает. Ето чтобы, значит, до суда не допустить. Верно! Бог ево знает, что суд чести вырешить могéт. Возьмет да и обесчестит... Потому и правильно Соламаха поступает. Голова! Чиво там... потому как в двадцатом веке живем... рационализация... ассенизация...

Что Соламаха парень с мозгом, так это и по другому примеру видать. Учуял он, что перед ним штатский человек, который и шашку не умеет порядком зарядить, на словах с ним тягаться дело дохлое, так он и ну куражиться: давай—грит—с тобой на шашках порубаемся, либо на ливольвертах постреляемся, а хош, так на „викерсе“ по тарелочке пропустим друг в друга. А сам, небось, пулей в десяти шагах шампанское раскупоривает, или на Кавказе баранов спьяна пополам рубил, а из пулемета царские вензеля на полигонном щите расписывал. Хитряк!..

Но этого мало, соль, может быть, не в этом. Они, вольноказачьи супротивники, видят, что с вольными на словах и умах тягаться нет никакой тебе возможности, так они решили вольноказачью пятилетку начать, тоись перебить всех вольных казаков за пять лет, на дуэль на ливольвертах вызываючи. Вот что еще могёт быть! Так што, станишники вольные, держись... охульки на руки не класть, извольте готовиться. Но это я промежду прочим, а совет мой не в том.

Я вот что вам посоветую, станишники. Ежели меня послушаете, так вполне в оружии и шанцах будете уравнены. Конешно, каждый со мной согласится, что самый беспристрастный судья для человека это — Бог. Он уж, сердешный, невинного не погубит, потому как Бог правду видит... Вот на его суд и отдайтесь. Делается же ето так: супротивники сперва канаются на обыкновенной палке, потом берут по одинаковой пуговице от старых штанов, затем берут кисет (ежели вы не курцы, так с удовольствием одолжит Павел Сергеич) на одной пуговице чернильным карандашиком делают крестик, бросают их в кисет, а потом, предварительно потрусивши, тот, кто при конаньи оказался наверху, лезет рукой в кисет и тянет. Кому достанется пуговка с крестиком, тому, значит, и кончать самоубивством, каким угодно манером. Хошь — в собственной ванне под грамофонный джаз топись, либо в лунную ночь с моста кидайся — дело твое! И никаких тебе храбростев, ни уменьев и знаньев! Все от Бога, какую пуговицу он в руку всучит.

Только не нужно забыть точно уговориться насчет „времени приведния в исполнение приговора“. Ато я знаю такой случай: „Подрались“ так двое (только не за политику, а за женшину), но потому, как не было точного уговора насчет времени, то проигравший год целый „приводил дела в порядок“, потом год „выбирал вид и род самоубивства“, а потом решил умереть „от карающей руки смерти“, тоись смерти решил дожидаться. Коли Бог, говорит, вынес мне приговор, так пусть сам и выполняет! И ждал он лет пятьдесят, успел жениться на „убитой горем вдове“ своего счастливого соперника, который умер через пять лет после дуэли.

Конешно, дуэль етот должен промежду вами, станишники, состояться после того, как казачий суд чести свое решение вынесет; иначе невозможно, потому, ежели все привлекаемые к суду станут своих обвинителев на дуэли из ливорвертов бить, так никакие проступки человека невозможно станет наказывать.

Шалвур Ниминов.

У самостийников один путь — путь В. К.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Всем известно, что происходит в настоящее время. Никто не может точно предсказать того, что случится, но нам, казакам, надо быть готовыми ко всему.

Все мы прекрасно знаем, как ужасна и как тяжка жизнь наших братьев т а м, в родных Краях. Мы, казаки-эмигранты, должны твердо это помнить, помнить, что мы не одни, что там ждут нашей помощи.

Можем ли мы помочь?

Если мы не сумеем выйти из того состояния разброда, в котором находимся, то можно смело и категорически утверждать, что никому никакой помощи оказать мы не сможем.

Разрозненность казачьей эмиграции велика. В таком виде мы представляем из себя никому не нужную беспомощную пыль, не могущую помочь не только кому бы то ни было, но и самим себе.

Полного об'единения в зарубежном Казачестве, конечно, быть не может — слишком велики наши политические расхождения и слишком непримиримы наши цели и наши идеалы. Но об'единение одинаково мыслящих людей возможно. Больше того — оно должно быть!

А поэтому все сочувствующие освободительному движению Казачества в столь тревожное время должны забыть распри и принять все меры к об'единению. Время не ждет. События могут быть и не за горами.

К об'единению всех искренних самостийников есть только один путь — п у т ь В о л ь н о г о К а з а ч е с т в а.

Примите уверение в совершенном уважении
Генерал-лейтенант **Т. Стариков.**

15-X-1932 г. Прага.

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

Открытое письмо „вольным казакам из Праги".

В журнале „КК" (№ 9) вы изволили напечатать нечто не совсем понятное. Очевидной целью этого писания является во что бы то ни стало дискредитировать руководителей В. К., а через это — и самую идею о казачьей государственной независимости. Средством для этого являются разные „сильные" выражения, неприличествующие серьезному печатному органу, а более подходящие для заборной литературы, а также всевозможные измышления. Но, рассказав кучу „страшных" вещей, вы сами, как будто, устыдились своего „творчества" и благоразумно скрылись за подписью „вольные казаки из Праги". Ищи ветра в поле!

Между прочим, в этом вашем „творении" затрагивается и мое имя. Оставляя на вашей совести ваше утверждение о моей „чисто азиатской вероломности", я тут же хочу уличить вас в бескрайней лжи. Вы смеете утверждать, что я „подвел и калмыков — вольных казаков, захватив их средства и передавшись под Билого".

Заявляю, что все калмыки — вольные казаки об'единены в калмыцкой национальной организации „ХТТ", а я до сегодняшнего дня являюсь руководителем этой организации и пользуясь ее безусловным доверием. Следовательно, подводить свою организацию, захватывать ее средства и одновременно стоять во главе ее и пользоваться ее доверием я никак не мог. Больше того: к нашему сожалению, организация наша не имела и не имеет никаких средств, коих я мог бы „захватить". Единственным источником материальных средств „ХТТ" являются членские взносы и незначительное добровольное пожертвование отдельных ее членов, на каковые средства издается и печатный орган нашей организации „Ковыльные Волны", о чем каждый раз дается публичный отчет.

Таким образом, как видите, ваше утверждение является чистейшей воды ложью. И все ваши дальнейшие утверждения такого же свойства.

Тут же хочу обратить ваше „вольных казаков из Праги", внимание на то, что вы в своих выступлениях против нынешнего центра ВК оперируете „фактами" из того печального периода в жизни ВК, когда все вы, играя в ней активную роль, создавали такую обстановку, что не проходило и месяца без „очередного кризиса". Если вы честные люди, то должны признать, что при вашем со-руководительстве в ВК начался „кризис" уже через шесть месяцев, как оно возникло, и при вашем же деятельном участии, вернее, благодаря вам, „кризисы" эти продолжались полтора года, до конца 1929 года. А с этого момента, когда вас „ушли" и вплоть до настоящего времени ВК — плохо-ли, хорошо-ли, но работает без всяких „кризисов" и угрозы „разоблачения", без перебоя успешно распространяя вольноказачью идею, тогда как вы все это время, почти три года, успешно бездельничаете и без успеха пытаетесь „смазать" вольноказачье движение.

Один этот голый и очевидный факт должен бы был вас удержать от напрасной попытки свалить вину „с больной головы на здоровую", если в вас еще сохранилась хоть крупица вольноказачьего убеждения.

Не пытайтесь оправдать свое безделье тем, что и Балинов, мол, в свое время расходился по некоторым вопросам с Билым, спорил с ним, соглашался с нами. Этого я ни от кого не скрывал. Да, в 1929 году я расходился по некоторым вопросам с Билым, спорил с ним. Было время, когда я, введенный в заблуждение вашими громкими титулами, кажущейся идейностью, питал надежду, что вы все вместе сумеете более успешно повести дело ВК. Но когда я на практике узнал ваше некрасивое нутро под пышной внешностью, я понял свою ошибку. Да, Билый человек и как человек имеет, конечно, недостатки, но при сравнении с вами он выгодно отличается, ибо вы, так безжалостно „критикующие" его, оказались во много крат хуже. Да, с Билым я спорил. Больше того: я не исключаю возможности спора и в будущем. Но это не значит, что я должен бегать по враждебным ВК журналам и писать в них пасквили на Билого.

Самое главное, я — не „солист-летун", а ответственный член своей калмыцкой национально-политической организации. И как таковой в политических вопросах поступаю и действую согласно решениям своей организации, а не по своему личному капризу.

Сейчас не хочу писать по существу всего вашего „писания". Если желаете вызвать на честную полемику, предлагаю вам назвать самих себя, чтобы я знал, с кем имею дело, — не будьте подленькими шептунами из-за кулис. С своей стороны обещаю спокойный и обстоятельный ответ, если только в числе „вольных казаков из Праги" окажется хоть одно-два лица, к которым, несмотря на все наши расхождения, я сохранил некоторую долю уважения. Но, конечно, я ничего не отвечу, если под подписью „вольные казаки" скрывается, как я подозреваю, всего одно, мне известное, лицо, своей персоной изображающее одновременно несколько организаций, „обремененное" десятками громких титулов, обращающееся с почтительной просьбой о помощи ко всем врагам ВК. Если это пишет „оно", то, само собой разумеется, отвечать не буду. Не стоит. Тогда оправданием молчаливого игнорирования его Вольным Казачеством явится калмыцкая народная поговорка: „от собачьего языка не осквернится океан".

Примите уверение и проч. **Шамба Балинов.**

P. S. Письмо это пишу с опозданием, так как „КК" мне удалось прочитать только 13 сего октября, а до этого я, естественно, не подозревал существования пасквиля, исходящего от „вольных казаков из Праги".

Ш. Б.

14 октября, 1932. Париж.

Маленькое воспоминание.

Посвящается станичникам булавинцам

Маленький, незаметный, будничный факт: в 1925 году, октября 5 дня, при Донском кадетском корпусе открылась первая ученическая казачья станица имени атамана Кондратия Булавина. Сколько надежд, сколько чаяний. Помню я тихий осенний вечер, в который открывалась станица в гор. Билеча, первых 10 человек собравшихся, выбор правления, ужин. На ужине — глухие, взволнованные речи, в которых понятно только: „Вверх! К солнцу! К воле!.."

Ядро заложено. Мало-по-малу станица ширится, крепнет, захватывает новых членов своей такой простой, но вместе с тем такой понятной идеей, и отвечает, по мере сил, многим вопросам, волнующим молодые казачьи головы. Помню программу, устав; нужно ль его приводить здесь? „Все для Казачества, за его свободу, за волю своих земель, за правду"...

Казалось — (и это действительно — так) — нет ничего выше, нет полнее!

Трудно приходилось станице. Многих нужно было опасаться от многих скрыть. Тщательный подбор членов станицы создал небольшую, но крепко спаянную домашнюю организацию. „Все за одного, один — за всех"...

Выпущен был в первый год существования станицы небольшой журнал „Казачья Вольность"; скромный, не претендующий на громкое название „литературно-политический", несколько сумбурный в своем содержа-

нии, он был точны выразителем чувств и настроений, охвативших Булавинскую станицу; помню, как его оттискивали на старой литографской ленте в пустующем сотенном карцере. Вечный страх: „Войдут! Увидят!" Не за себя боялись, боялись что пропадет так трудно начатое маленькое дело.

Старая лента честно выполнила свой долг: двадцать семь экземпляров журнала было выпущено в свет и роздано по рукам с наказом „прятать глубже"!

С благодарностью вспоминаю я теплое, заботливое отношение к станице некоторых служащих корпуса, их постоянную готовность идти навстречу многим нуждам организации, тем более, что в случае раскрытия станицы тогдашним и настоящим директором корпуса ген. Перрэтом, всем помогающим грозили бы сериозные осложнения. Казачье им „спасибо".

Ген. Перрэт не благоволил к „самостийникам"...

Да благоволил ли он вообще к казакам?

Его, не лишенная известной системы, политика по отношению воспитателей и преподавателей казаков в корпусе привела к нужному для него результату: многие казаки оставили свои места, или были уволены под тем или иным незначительным предлогом. Так оставили родной свой корпус полков. З., пользующийся общей симпатией, генерал С., никем незаменимое лицо в кад. корпусе, уважаемый всеми за свою честность эконом корпуса. П., лучший преподаватель Ч... Уходили и раньше, и одно можно сказать: никто из ушедших (даже по своей воле) не помянул ген. Перрэта добрым словом. Справедливая ему награда!

Станица не могла при режиме ген. Перрэта действовать открыто, но это только подзадоривало, — чем больше преград, тем лучше!

Что то буйное, хмельное, как молодое бродящее вино, было в начальном характере организации. Атаман избирался в станице большинством голосов, власть ему принадлежала исполнительная, но в период надвигающейся опасности для станицы он облекался неограниченными полномочиями. Были и свои „клейноды": Атаману — булава, помощнику — бунчук, есаулу — станичную книгу и печать. Было и знамя: на синем фоне — щит и надпись: „Поклялись мы в жизни нашей за Казачество идти"...

С переездом корпуса из гор. Билеча в Горажде станица временно прекратила свою деятельность; сходы, на которых разбирались различные вопросы, устраивались диспуты, справлялись казачьи праздники, — пришлось оставить до лучшего времени, но станица зажила более планомерной, в развитии казачьих интересов, жизнью. Привлечена была к участию в станичной жизни и старшая, первая сотня, и выпущен и другой журнал „Казак". Многих трудов стоило и его напечатать. Настроение станичников не понижалось.

Был в Булавинской станице и не казак (один), но если бы у нас в наших казачьих землях были бы такие не казаки, — иногороднего вопроса б не существовало.

Для многих окончен трудный путь. Сзади — года, целые 8 лет средней школы, боязнь высказывания своих порывов, рамки жизни; впереди — бескрайняя ширь новых достижений, университет, свобода.

В частых встречах между собою прежних булавинцев по старому ли звучит „станичник", по старому ли болят казачьи вопросы, по старому ли все — воедино?..

Статья моя — воспоминание пережитого, итог небольшой работы каждого из станичников над самим собою, но хочу сказать: живо Казачество и не умирало оно в душе каждого истинного казака!..

В малых же делах познается готовность к великому.

Петр Закрепа. (Швейцария).

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Поступило: от П. Кудинова (из Болгарии) 100 лева. Переслано П. Поляковым (из Белграда) 200 к. ч.

В Ганновере.

Ганноверская вольно-казачья группа пополнилась двумя новыми членами: Петром Лосьевым (дон. казак) и Харитоном Орловым (укр.).

Как ген. Науменко борется с вольными казаками.

Нам присланы из Белграда копии двух „документов" о „работе" ген. Науменко и его сподручных против вольных казаков. Один из этих „документов" (в переводе с сербского) помещаем здесь дословно:

„Г-ну Начальнику Округа (среза) в Смедерево.

В 1921 году казачья станица в Смедерево во главе с атаманом Гнилозубом перестали исполнять мои приказания и приняла политическую программу „Вольного Казачества", которое отрекается от России. За это я исключил эту организацию из Кубанского списка, прекратил с нею всякие сношения и считаю ее несуществующей.

Полгода тому назад казаки, которые не состоят у г. Гнилозуба, просили меня разрешить им организовать новую станицу во главе с атаманом г. Пацапай и, таким образом, это единственная организация, с которой я в связи.

В интересах русско-казачьего единства прошу Вас, г-н Начальник, приказать

1. Отобрать у Гнилозуба печати и штемпели и передать их Пацапаю; 2. Не разрешать группе Гнилозуба собраний и сходок.

Благодаря Вас, г-н Начальник, наперед за сделанное, я прошу Вас принять выражения моего совершенного уважения — Кубанский Атаман В. Г. Науменко. Кральево, 27 сентября 1932 г."

По имеющимся у нас сведениям, в Срезе отказались исполнить „предписание" г. Науменко и передали дело в гор. думу (општину). Там тоже отказались, т.к. и полиция и городское управление хорошо знают станицу и ее атамана Гнилозуба и не имеют никаких поводов предпринимать против них какие либо репрессии.

После этого полк. Гришин (не казак) написал в општину, что „Гнилозуб хвалился его, Гришина, побить", а потому „прошу его арестовать"... Из этого тоже ничего не получилось...

Но все это свидетельствует о двух вещах.

Первое: ген. Науменко действительно перестал быть Войсковым Атаманом, став возглавителем (лидером) „русских казаков", ибо раз он признает только тех, кто исповедует его единонеделимческие убеждения и преследует казачьих патриотов, то тем самым он освобождает их от того, чтобы они считались с ним, как с В. Атаманом. Мы думаем, что постепенно он, ген. Науменко, станет всего навсего полицейским приставом от ген. Миллера для надзора за „русскими" казаками с Кубани...

Второе: ген. Науменко очень нуждался бы в услугах какого нибудь нового ген. Покровского. Без него он как без рук. А с ним — о, с ним бы он, при случае, прописал бы многим казакам кузькину мать!.. Попытка, как видим, привлечь на свою „службу" административный аппарат чужого для него государства успеха не имела. И мы не ошиблись, когда в одном из предыдущих номеров считались с такими „возможностями".

— Боже, доколе же Ты будешь карать казаков?!... Доколе будут считаться у Тебя преступлением любовь к своему народу, к своему Краю!..

Тарасе — не бреши!

М. Г., г-н Редактор, прошу Вас не отказать в любезности поместить на страницах издаваемого Вами журнала нижеследующее:

В журнале „К. К." за сентябрь месяц с. г. помещено „опровержение" Т. Дзюбы: „Настоящим заявляю, что в корреспонденции из Вел. Бечкерека, от 6 июня с. г., помещенной в № 107 журнала „Вольное Казачество", подпись поставлена без моего ведома и согласия. Тарас Дзюба, мл. ур. Л.-Гв. 2 Куб. сотни".

— Я рядовой козак і багато писать не навчився. Скажу два-три слова: Тарас Дзюба бреше.

Корреспонденцию из В. Бечкерека, помещенную в № 107 „ВК" Тарас Дзюба подписал 2 июля в 5 ч. вечера у меня на квартире.

Як що ти, Тарасе, про це забув, — приїзжай до нас у В. Бечкерек, я тобі сам покажу, як ти це робив. Будь, козаче, таким, як був, бо коли б тобі ще раз не прийшлось писать „опровержения" після того, як покинеш лавочку...

Вільный козак **Яків Мирошник.**

7-X-1932. В. Бечкерек.

37 встреча ВК в Белграде.

Доклад Б. А. Кундрюцкова о деятельности и смерти полковника Евграфа Осиповича Грузинова прошел живо и обстоятельно. Приговором Войсковой Канцелярии (руссофильской старшиной), утвержденным 26 августа 1800 года и изданным в форме указа Сенату: „Исключенного из службы полковника Грузинова за измену против нас и государства повелеваем, лиша чинов и дворянства, наказать нещадно кнутом, а имение его описать в казну". Полковник Грузинов и был 5 сентября так „нещадно" наказан, что через 2 часа отдал Богу душу...

Дяде Грузинова Войсковому Старшине Афанасьеву и казакам — Касмынину, Попову и Колесникову отрубили головы, брата же его Петра Осиповича Грузинова били кнутом, вырвали ноздри и наложили клеймо (знаки).

Так повествует казачья история о том, что было сто тридцать лет тому назад.

Небез'интересно знать, за что же так немилосердно и варварски расправился с казаками русский царь и холопствующая старшина. Достаточно привести подлинные слова Грузинова:

— Вступился было за отечество (казачье) Пугач (Пугачев), но пропал. Я не так, как Пугач, но еще лучше сделаю: как возьмусь за меч, так вся Россия затрясется... Все Донские казаки независимы от царского престола и не обязались перед ним вечной присягой, а только временной, относительно службы, что он, а также и все казаки, нимало не подвластны, а потому и не подданые.

Знаете, кто Дон заслужил, — говорил он казакам, — Ермак. А теперь его от нас отнимают и поселили греков и армян (Таганрог и Нахичевань)...

Из этих слов ясно каждому казаку, за что поднимался казак полковник Е. О. Грузинов.

Еще яснее будет для нас, — добавил докладчик, — такое ревностное исполнение приговора, когда мы остановимся на дате 1798 года, а именно: два года перед казнью Грузинова офицерство и старшина получили права российского дворянства. Грузинова эта подачка не столкнула с казачьего пути, других же она не только задобрила и сделала шелковыми, но и обратила в палачей над своими же братьями казаками.

Эта же старшина стала заселять казачьи земли крепостными мужиками, делая чересполосицу, и быть может иногородний вопрос без этого совсем бы не был таким острым, каким стал он в 1917-20 годах...

Докладчик отметил интересную деталь, сравнив указ Сенату с надписью на груди повешенного Кулабухова:

За измену против нас и государства... в указе и

За измену России и Казачеству... — написали на груди у Кулабухова.

Какая вопиющая несправедливость! Казнили людей за измену тому Казачеству, за которое они шли на все, и на муки, и на смерть, защищая его исконные права на самоуправление, на владение своими землями, на свою Казачью Волю.

Заканчивая доклад, Б. А. Кундрюцков сказал:

Чаша испытаний наполнена до краев, ни одна капля крови, ни одна слеза больше не поместится без того, чтобы не пролилась огненная масса казачьих страданий и мук, сметая все на своем пути, сжигая непокорных, уничтожая малодушных. На руинах старой Воли Казачьей поднимается в лучах восходящего солнца новый Храм свободы духа Казачьего и грешно будет тому казаку, кто не принесет хоть один камень, хоть один ком земли на постройку Его...

После докладчика выступал П. С. Поляков со своим новым переводом сербской былины: „Женидьба короля Вукашина".

Захватывающее содержание и свежесть сюжета этой старинной сербской былины в искусном изложении поэта произвели на казаков большое впечатление и вызвали живой интерес к сербскому народному творчеству. Как живые прошли перед глазами король Вукашин, Видослава и другие действующие лица. Женидьба Вукашина на Ефросиме принесла сербскому эпосу легендарного героя — Королевича Марка, самую популярную народную личность.

Эти переводы много значат для казаков, проживающих в Югославии, так как знакомят их с творчеством того народа, в среде которого казакам приходится жить, а также будят интерес к нему и способствуют более точному пониманию обрядов, обычаев и многих черт характера, заложенных в этом славянском народе. Знакомясь с такими национальными ценностями другого народа, казаки разыщут и своих героев, сотрут клевету и пыль многих враждебных к Казачеству веков, будут ими гордиться и их величать...

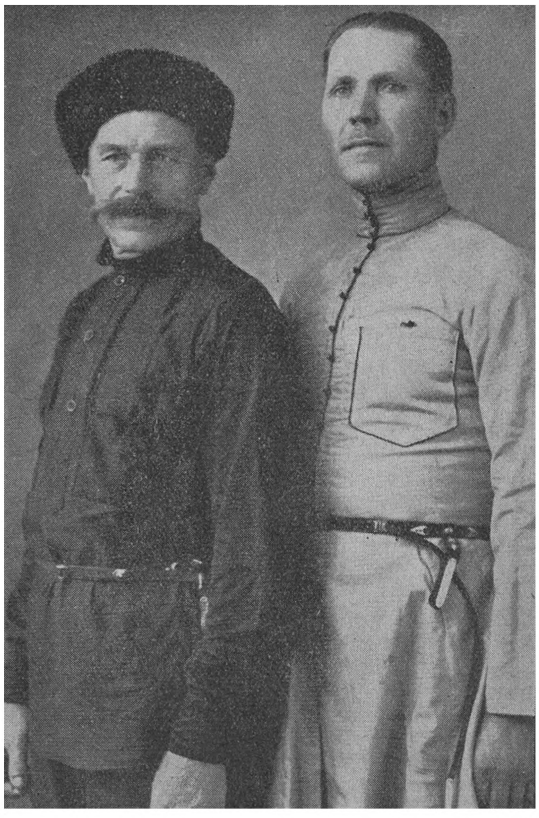
(Соб. кор.)

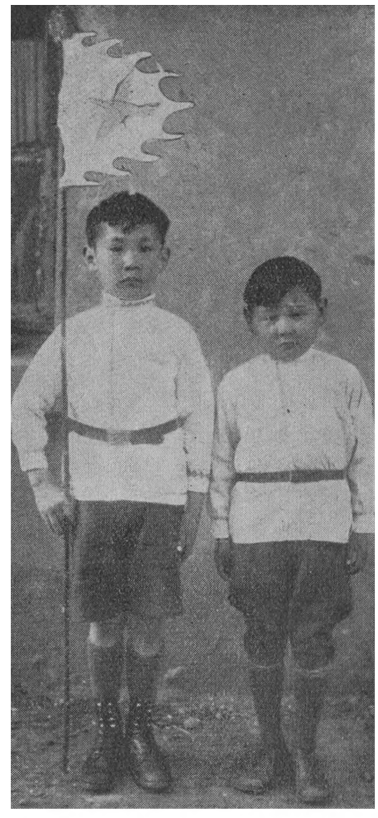
В Кочане.

25 сентября с. г. на общем собрании казаков города Кочане (Югославия) станичник С. М. Бобришов прочел доклад на тему: „Россия и Казачья самостийность". Несмотря на то, что доклад был, видимо, наспех написан и не совсем закончен, он произвел на слушавших казаков сильное впечатление.

Нарисовав картину былой вольной жизни казаков и их борьбу за самостоятельность, докладчик перешел на географию Казачьих Земель. Здесь он указал на все богатства, какими обладают Казачьи Края, и тем разбил доводы „неделимцев" о невозможности существования Казачества самостоятельно. Дальше докладчик перешел на настроения казачьих масс в революцию 1917—20 г.г. и несколькими характерными случаями из жизни казаков, а также политическим направлением, взятым высшею властью — Краевой Радой и Кругами — в эти годы, доказал, что высшая власть и народ Казачьих Краев никогда не мыслили себя добровольными союзниками „белых" и тем опроверг утверждения „неделимцев", что казаки „мыслят себя неразрывно связанными"...

Не обойдены в докладе и Атаманы, столь много „поработавшие на нашем изгнании из своих Краев". Обрисовав предательскую роль зарубежных атаманов и некоторой старшины, докладчик задает вопрос: „Что же нам нужно делать, чтобы скорее обрести свои края и жить в них без чужой опеки"? и дальше отвечает: „Прежде всего нам нужно раз и навсегда отказаться от союза с какой бы то ни было русской политической партией, из которых каждая по своему замышляет будущий порядок в России. Гадать же нам, какая из них „подходящая" для русского народа, не следует и не к чему. В навязывании власти русскому народу мы имеем горький опыт в прошлом. К тому же, русскому народу, может быть, Советская власть по душе, потому что за 12 лет нашего изгнания мы ни разу не слыхали о восстаниях против большевиков в центральной

Два друга старых и два друга малых.

Слева — кубанцы: Гавриил Ф. Бурьба (ст. Спокойной) и Никифор К. Боровлев (ст. Костромской) — в Бельгии.

Справа: „парные часовые" у „штаба Зюнгарского п-ка" с калмыцким нац. знаменем — в. к. Ниме Чурюмов (слева) и Борис Саранов — во Франции.

России; восставали лишь казаки, украинцы да народы Кавказа...

Не нужно нам, говорит дальше докладчик, ожидать также „атаманского зова", потому что Атаманы „мыслят себя неразрывно связанными с Россией единой и свободной". Надеяться же, что Россия даст федерацию Казачьим Краям, не раз потрясавшим ее, все равно, что ожидать „когда рак свиснет". С теми, у кого „спасти бы Россию, а казаки подождут" стало лозунгом дня, нам не по дороге".

Говоря о тяжелой жизни казаков в оккупированных красным лаптем наших Краях; о горечи, изливаемой нашими близкими в письмах к нам, о систематическом уничтожении там казаков, докладчик призывает казаков: „шевелить мозгами, иметь свое мышление о нашем освобождении, не быть инертными и не держаться мнения „барина", как слепой стены", а так же: „не вызывать в себе чувство сожаления к тем, кого от слова Казакия коробит, потому что лишь К а з а к и ю в з я в з а ц е л ь, мы обретем наши Края"...

„За 12 лет изгнания, говорит дальше докладчик, наши Атаманы ни разу не попытались созвать общеказачий с'езд, чтобы послушать чаяния и горечь казачьей жизни, а когда инициативу с'езда взяло на себя „В. К.", они обрушились на него с обвинениями в незаконности... Под лежачий камень вода не течет, говорит пословица, никто и нас не позовет в освобожденные наши Края; над этим нам самим надо работать... Отбросив русскую теорию, что казаки — сословие или особый род войска (как часто понимают иностранцы), будем твердо помнить, что „казаки от казаков ведутся" и что никто их не создавал искусственно, как не создавался так ни один народ на земле"...

Указав пути, которыми казачество должно идти к самоопределению, докладчик закончил призывом:... „Нам нужно, наконец, перестать думать „до горы ногами" и понять, что никто не может догадаться, о чем мы думаем и чего желаем. Не могут, не зная наших чаяний, защищать наши интересы и те, кто так навязчиво советует нам политикой не заниматься. О Своих чаяниях мы должны говорить сами, а потому, выйдя на казачий шлях, смело хором скажем: Хотим жить в своих Краях, сами и как жили наши предки встарь! Скажем ли мы все казаки так, — быть живу и процветать Казачеству вечно; дадим ли возможность „за казачьи интересы думать другим — обречем Казачество на верную и бесславную гибель"...

Спасение Казачества в самостоятельном бытии, а потому и пойдем этим путем, по которому уже расставлены вехи „Вольным Казачеством". Пойдем ли этим путем, — обретем желанное — Казакию; выберем ли другой путь, — погибать нам и всему Казачеству".

Окончив чтение доклада, С. М. Бобришов предложил присутствующим высказаться по существу доклада. Критиков не нашлось. Все благодарили докладчика за поведанную правду и просили и впредь информировать их подобными докладами о казачьих делах и жизни, а также знакомить с казачьей историей.

Тут же докладчик предложил с'организовать вольно-казачью группу и пожертвовать, кто сколько может, на вольно-казачий с'езд и легализацию вольно-казачьих организаций, на что присутствующие горячо отозвались и пожертвовали 280 динар наличными.

Из числа 22 казаков, значащихся по спискам, 4 казака временно отсутствуют из Кочан, остальные же 18 все без исключения подписались на заявлении о вступлении в вольно-казачью организацию-группу.

Своим докладом С. М. Бобришов восстановил в казачьих сердцах и головах померкаемые память и любовь к Казачьим Краям, вывел многих из инертного состояния и втянул в общественную жизнь, влил еще блуждавшим в политическом море веру в вольно-казачью идею, убедил в правоте вольно-казачьей идеи находящихся на политическом перекрестке, вдохнул надежды на скорый конец страданиям, а всем этим в совокупности способствовал политической переориентации казаков.

Еще в конце прошлого года Кочанский „атаманский" хутор получал за „щедрые" взносы в „Фонд спасения родины" письменные благодарности от ген. Науменко, а теперь этот хутор не существует и никто никаких взносов в многочисленные фонды не делает.

А еще в этом году полк. Соламахин в приложенной записке к посылаемым хутору журналам „К. К." выражал свое удивление в адрес Кочанских казаков по поводу помещенного их письма в № 104 журнала „В. К.". Тогда он еще, видимо, „верил", что казаки „облагоразумятся" и самостийный „угар" у них пройдет. Он ошибся.

Проживающие здесь казаки твердо стали на вольно-казачий путь, которым и пойдут прямо на Казачий Майдан!

Остается им пожелать успеха в их работе, а не вошедшим в вольно-казачью организацию последовать их примеру!

Один из вольных.

8-X-1932. Кочане.

Наше: слышу!

М. Г. господин Редактор!

Прошу поместить на страницах „ВК" нижеследующее письмо казакам Брюховчанам: И. Сурмачу, А. Дейнеге, А. Настычу, И. Носаку.

Дорогие станичники! Прежде всего мой Вам казачий привет. Я, ваш станичник, И. Г. Вишницкий, проживающий в городе Пирее, в Греции, сообщаю Вам, что наш вольноказачий журнал за № 113 принес мне необыкновенную радость. За 12 лет нашей эмигрантской жизни нам теперь только приходится говорить открыто.

Мы, группа казаков пирейцев, около трех лет регулярно получаем „ВК", ибо он один из самых близких казачьему сердцу журналов. Вашу речь перечитывали несколько раз, ибо я часто говорю о своих станичниках и то, что говорю, подтверждается в печати, а главное у каждого из нас разговоры первым долгом о Казачестве и за Казачество.

Дальше скажу как можно короче. Обращение г. Шевеля „Слушай казак Брюховчанин" в № 8 „КК" произвело на меня скверное впечатление. Скрепив свое сердце, я решил сделать выдержку до получки следующих номеров казачьих журналов, надеясь, что кто либо должен отозваться, в чем и не ошибся.

Относительно того обращения я скажу: Покойный К. Л. Бардиж вдунул в души своих станичников все то, что необходимо для казака и если г. Шевель после 4-хлетнего своего сотрудничества в „ВК" и участия в Вольноказачьем движении и переметнулся куда-то, то мы, казаки Брюховчане, остаемся теми же, что и были и можем свободно обойтись и без него.

В 1918 году, до ухода его с атаманства, в родной нам станице Войсковые регалии принимали без него, хранили без него (участник), в отряд ген. Корнилова шли без него.

Чего же нам уходить от своего родного? Куда, почему и зачем? Да и в чем же виноват г-н Билый? Разве только в том, „що попав у зуби козачую правду тай тріпає нею"?

Достаточно, что раз обманули. При повешении Кулабухова ввели в Екатеринодар казачью бригаду „для парада". Господа из рядов сборной сотни ваньков пытались праказывать и раненным казачьим офицерам... тоже „для парада" (случай со мной).

Г. Шевель не знает, как отнеслись ко всему этому Брюховчане, когда спустя несколько дней после катастрофы прибывшие в нашу станицу агенты Добрармии с целью перевешать всех Кулабуховцев, бежали, не успев подмылить пятки. В Переяславской успели только напиться воды...

Так, что теперь выходит? Опять ожидать повторения? Нет! Довольно! Да и в чем же мы, казаки, виноваты в данное время? В том, что два мертвых грызут совесть виновников? Кровь двух мертвых есть чисто казачья кровь и она пролилась на своем казачьем черноземе.

Интересно, состоит ли кто из Брюховчан в Осиекской станице? Вряд ли!

Г-н Шевель своим уходом из состава Вольноказачьего движения еще больше скрепляет таковое и казаки еще больше стали писать в Прагу за личными подписями, но ничуть не из Праги и без подписей, как это пишет „КК".

Итак, дорогие станичники, от души благодарю Вас. Надеюсь, что мы, Брюховчане, были казаками, есть и будем, никто нас не сломит.

Да будет легка земля К. Л. Бардижу и всем братьям, погибшим за Казачество.

С глубочайшим приветом **И. Г. Вишницкий.**

Писоединились **Л. А. Зинченко** (Н.-Ивановской), и **Г. П. Рогаль** (Н.-Михайловской).

Пирей. Греция.

О корреспонденции „Хуторянина".

В № 6 (108) журнала „КК" один из хуторян пишет: „в Смедерево образовался Общеказачий хутор в составе 36 человек, как протест вольноказачьему настроению правления станицы"... Действительно, в Смедерево таковой хутор образовался, но не в таком численном составе. Прежде всего необходимо сказать, что на организационном собрании хутора 24 мая с. г. в Кафане „Девет Юговича" присутствовало всего лишь 13 человек. Из них четверо не казаки (все 13 человек — Кирилловцы), а на приговоре об образовании этого хутора, который и утвержден В. Атаманом, имелось 25 подписей, собранных гг. Назаренко и Губенко между казаками во время работ и то обманным путем, т. к. они собирали подписи казаков, желающих поступить на вновь открывающиеся работы по укреплению гудомина. Таким образом хуторянам удалось собрать 25 подписей, использовав для этого именно тех казаков, которые нуждались в работе.

Спрашивается; откуда „хуторянин" взял цифру 36? Я с своей стороны думаю, что „хуторянин" имел большие надежды на то, что эта цифра будет пополнена.

Правда на хуторском собрании 29 мая уже присутствовало 22 человека и говорилось еще о каких то 8-10 чел. которых в Смедерево нет (вероятно зачисленные в хутор без их ведома).

„Хуторянин" пишет, что хутор организован, как протест вольноказачьему настроению. Неужели этому „хуторянину" неизвестно (из донесения станичного правления В. Атаману) о том, что мысль о создании хутора в Смедерево появилась еще за 10 месяцев до вступления станицы на вольноказачий путь? Ведь еще тогда генерал Келнер предлагал станичному атаману переименовать станицу в Кирилловскую, а когда на это получил резкий отказ атамана, то он, генер. Келнер, предложил своему единомышленнику г. Назаренко — организовать Кирилловский хутор, в чем г. Назаренко и проявил усиленную агитацию.

Две недели спустя тот же ген. Келнер, видя неуспех г. Назаренко, пробует для этого иного человека, полк. Жилина. Предлагает ему, Жилину, отделиться от станицы и образовать Кирилловский хутор, атаманом которого и обещает назначить его, Жилина. Это предложение благоразумный полковник отклонил, о чем сказал и станичному атаману Гнилозубу.

Из всего вышеприведенного явствует, что хутор образовался не как протест вольноказачьему настроению, а как „удачный момент" для создания Келнеровского хутора.

Кроме того „хуторянин" пишет: „в хутор вошли 8 казачьих офицеров, которые в станице, при ее вольноказачьем духе, не состояли". Прежде всего, я бы советывал „хуторянину" более внимательно проверить этих 8 казачьих офицеров, — действительно ли они все казаки или может быть только называют себя казаками, а также проверить, все ли из них гг. офицеры, как например хорунжий Соколов (выгнанный из станицы за кражу), называющий себя казаком ст. Атаманской, а раньше именовавший себя есаулом Терского Войска; или например ес. Куриленко, хвастающийся тем, что он был 9 лет станичным атаманом, а еще в довоенное время был „участковым начальником", тогда как нам он, Куриленко, известен, как ур. 6 пластун-

ского баталиона и никогда в офицерские чины не производился. Атаманом станицы, правда он был, но всего 9 дней и то при восстании казаков в 1920 г. с ген. Фостиковым; возможно, что в то время он и произвел себя в есаулы.

О том, что эти 8 офицеров в станице не состояли, то это верно, а не состояли они потому, что никогда не интересовались жизнью казаков, несмотря на неоднократные призывы станичного атамана Н. Гнилозуба к ним, гг. офицерам, придти на помощь в деле об'единения казаков. Правда некоторые из офицеров состояли в станице, как например, сотник Гонзюс (бывший атаман станицы), но он всегда тяготел к русской колонии и никогда не старался поднять престиж казачьей станицы...

Итак, господин „хуторянин", если вы думаете бороться с вольными казаками, то боритесь правдой и опирайтесь на подлинных казаков, а не так как Вы — на русских ваньков, зачисляя их в казаки.

О приемах борьбы Куб. представительства.

В последнее время, в связи со все больше разростающимся движением ВК, Кубанское Представительство в Белграде применило самые подлые приемы борьбы, какие могут применяться лишь у большевиков.

Так, например: каз. Ф. Феняк, находящийся уже 11 месяцев без работы, а потому оставшийся в данное время без куска хлеба, в конце-концов с большим трудом приискал себе работу в Смедеревской державной радионице, но для того, чтобы поступить на работу, от него прежде всего требуется удостоверение от Русской делегации в Королевстве Югославия. За получением этого удостоверения г. Феняк и обратился к военному представителю в Белграде, но так как все документы и послужные списки казаков находятся в Канцелярии Кубанского Представительства, то военный представитель предложил г. Феняк доставить от полк. Соламахина документ, удостоверяющий его, Феняка, личность, и когда и с какими частями прибыл в Югославию. На просьбу г. Феняка полк. Соламахин резко ответил: „Запишитесь в хутор, я Вам тогда выдам удостоверение".*)

Такой ответ полк. Соламахина казаку, которого он отлично знает, очень похож на приемы большевиков в наших Родных Краях, и большевики говорят: „запишитесь в нашу веру, тогда вы получите все, что вам надо"...

Не без'интересно отметить и такой факт: Одновременно с г. Феняк, к полк. Соламахину за таким же документом обращается один из русских мальчишек А. Костиков, который не только не казак, а и на Кубани не проживал и ни в каких, во время войны с большевиками, воинских частях не состоял и участия в борьбе с ними, большевиками, не принимал. Здесь же, в Югославии, г. Костиков уже был под следствием... И вот, несмотря на то, что г. Костиков не казак и полк. Соламахину совершенно неизвестен, все же он, Соламахин, выдает ему, Костикову, удостоверение, как Кубанскому казаку и то лишь потому, что он записался в хутор, который поддерживает политику Москвы...

Д. Захаров.

Смедерево.

Казаки во Франции.

На громадном расстоянии юга-запада Франции, по линии Бордо-Тулуза-Каркасон разбросано больше тысячи человек казаков. Если в городах все казаки обязательно организованы в станицы и хутора, где их жизнь можно изучить, то в этом районе это поддается не сразу; нужно несколько месяцев, чтобы приспособиться к их жизни.

По городам, которые встречаются по пути рассеяния казаков, есть небольшие группы, есть станицы. В центре юга-запада Франции, в городе Тулузе, есть станица, состоящая главным образом из донцов; есть и группа кубанцев. Как станица, так и группа ничем особенно себя не проявляют. Я был несколько раз в Тулузе, жил там по нескольку дней и вынес впечатление, что местные казаки живут очень замкнуто. Правда, теперь уже есть, хотя и очень маленькая, группа вольных казаков, этот огонек, на который нет-нет да и забредет казак. Думаю, что этот огонек станет маяком и будет светить тем, кто блуждает во тьме. А их еще много...

В районе Тулузы раз'единению казаков способствует еще одно исключительное обстоятельство. Как известно, русская православная церковь на Западе поделена на несколько „партий", и вот здесь есть священники от всех партий. Наличие такого деления имеется и в других местах, но не наблюдается того, что наблюдается здесь, а именно: казаки принимают активное участие в русском церковном споре.

По моему казакам не следовало бы вмешиваться в это дело, т. к. это способствует разделению казаков и они волей-неволей поддерживают ту или иную русскую партийность, т. к. каждая церковная „партия" поддерживает отдельную русскую политическую партийную группировку. Наличие такого явления я как раз и наблюдаю в Тулузе.

Пусть сами русские делят свою церковь, а нам, казакам, нужно думать о себе и о своей казачьей отчизне.

В Тулузе казаки работают главным образом на фабриках и заводах и только единицы шоферами или имеют свое дело. Что касается казаков, которые живут по деревням, то они заняты во французском сельском хозяйстве. Подразделить таких казаков можно на три группы: арендаторы, арендующие фермы с живым и мертвым инвентарем, испольщики, обрабатывающие ферму исполу и работники, нанимающиеся или на год, или на „срок" (сезон) или просто помесячно. Есть районы, где казаки сравнительно близко живут друг от друга и часто собираются к кому либо. Одним из таких районов является местечко, где я живу.

Вот когда собирается нас десяток, то естественно разговор завязывается о казачьих делах и мое впечатление, которое я выношу всегда после таких встречь, то, что в душе каждого казака горит вольноказачий огонек, который рано или поздно вырвется наружу...

Читатель скажет: на основании чего выношу я впечатление, что вольноказачья идея есть в каждом казаке. А вот на основании чего. Собрались как то к одному донцу 8 человек казаков, кубанцы, донцы и терцы; все они местные, живущие здесь по несколько лет, один я был новым человеком в их обществе.

Когда же казаки не говорят о своей отчизне? Когда они не затянут песню „о родимой сторонушке"? Всегда. Так было и на этот раз. Шел разговор о доме, лилась казачья песня. Мне, как новому человеку в этих краях, хотелось уловить „дыхание казака". И вот, как бы в ответ на мою мысль, резюмируя разговор, терский казак, интелектуально стоящий выше казачьей массы (еще до войны окончил университет) говорит: „мы сделали ошибку, что, выгнав красных за казачьи границы, пошли дальше: если бы красные увидели, что мы дрались только за свой „порог и угол", они бы тоже не стали продолжать борьбу. В будущем нужно быть умнее, — сначала свое, а там видно будет; прекрасно можем жить самостоятельно и поверьте мне, что и с Россией можно жить мирно". Всем присутствующим понравилось сказанное и каждый стал высказывать то же самое, только в иных выражениях.

Задаю вопрос терцу: читаете ли Вы „ВК"? Отвечает: читаю, но редко, его идея мне нравится, а главное журнал этот является политическим самоучителем для казака, при том самоучителем довольно хорошим. Жаль, что идея, проводимая Вольным Казачеством, не была известна в те времена, когда мы были дома...

Нельзя конечно не считать, что этот терец, человек весьма солидный, прав.

---

*) Несмотря на то, что Кубанское Представительство приложило все усилия, чтобы не выдать г. Феняку удостоверения, все же вольным казакам удалось получить для Феняка таковое, помимо Куб. Пр.

Случайно как то забрел я к нашеку кубанцу есаулу Х. — там еще пять человек казаков; вхожу; здороваюсь, а тут разговор о „казачьей политике“, как выразился один. Вот и говорит есаул: Нет, пока шапку от фуражки не отделим, нам, казакам, жизни нет“. Этим сказана вся „политика„.

Один донец, уже пожилой, ознакомившись с журналом „ВК“ и возвращая его мне, говорит: „Да, нам давно нужно было больше думать о себе. Старый уже я, может и не увижу свободного Дона, но молодые этого счастливого дня дождутся; только мне кажется, что теперешняя казачья старшина, которая привела сюда казаков, просто не пригодна для того, чтобы вести нас домой, в свободный край“...

Все приведенные мною случаи не являются выдумкой, но я не называю фамилии казаков, т. к· не спрашивал их согласия. Нужно сказать, что казаки, работающие в сельском хозяйстве, живут беднее, чем „городские“; правда, отдельные лица, собственники или арендаторы, живут хорошо, но процент сравнительно не велик.

Несмотря на дальность расстояния, связь между казаками довольно хорошая.

Не так давно здесь появилось воззвание генерала Краснова, который призывает организовать „войско“ для поселения в Африке „на старых казачьих основаниях“. К этому вопросу вернусь в другой раз, когда он будет яснее всем.

31. Авг. 1932 г. **Еф. Якименко.**

К Панчевским казакам.

Станичники! моя речь не должна Ваше казачье сердце тревожить, ибо она проникнута горячей любовью к измученному Казачеству.

Все меня спрашивают: кто я такой? — Вы поповский сын. У нас, казаков, не было попов. И действительно ли я казак? Твердо говорю, что я коренной казак. И потому, что я казак, я должен бороться за наше славное и доблестное Казачество.

Я, узнав за Вольное Казачество не так давно, поспешил вступить в ряды ВК. Я сознал, что ВК программа чисто казачья, около которой все мы, казаки, должны сплотиться в одно целое неразделимое, чтобы добыть себе наше Государство — Казакию.

Вот почему все вольные казаки так решительно подняли знамя, которое единственно может нас спасти, и вот почему мы так защищаем нашу идею.

Но, есть еще казаки, которые хотят сразу разрешить два вопроса: казачий и русский, т. е. погнаться за двумя зайцами. Они боятся оскорбить русских вождей, а также им видимо больно и за Казачество.

Они один раз уверяют, что „мы вольные казаки“, а потом, оборачиваясь на другую сторону, поднимают бокал за „нашего атамана“. Таких я назвал бы двуличными.

Не буду касаться личности одного из здешних казаков, который был приверженец как будто нашей идеи, но на днях его подлинное лицо разоблачилось. Он скинул белую одежду и остался в грязном платье.

Он работал также, как и полк. С. Занимался разведкой, а забыл, что существует и контр-разведка.

Таким образом, братья станичники, перед вами, как видите, проходит несколько путей. По какому вы должны пойти, с кем, за что и во имя чего?

Каждому, кто честно поставит себе этот вопрос, станет ясно, что путь у нас у всех один: Это старый путь казачьей воли и самостоятельности, который в трагические минуты опять засиял перед нами и зовет нас к свободе.

Это — Вольное Казачество!

Кто за Казачество, за лучшую долю его, тот и за вольных казаков.

Еще одно мое слово к вам, братья станичники. Не верьте провокаторам, которые сеют ложь между казаками. Не верьте лже-вольным казакам...

Помните раз навсегда, что наши Края ждут от нас помощи. Будет нам стыдно, если мы еще раз повторим свою прежнюю ошибку и добровольно сами себе наденем ярмо.

Да здравствует ВК.

Михаил Махно.

Письмо в редакцию.

Милостивый Государь,
Господин Редактор!

С большим чувством удовлетворения прочел в №№ 113—114 „Вольного Казачества“ статью „Яицкие казаки“ А. Ленивова.

Статья прекрасно составлена, но к великому сожалению в нее вкрались некоторые неточности, которые я бы Вас очень просил, г-н Редактор, довести до сведения читателей.

Неточности эти касаются конца гражданской войны:

1. Автор сообщает, что когда последний казачий город Гурьев был оставлен Уральцами, то выступило в в поход в Туркестан 11 тысяч бойцов.

Уральцы настолько себя чувствовали крепко во время войны и настолько непримиримо по отношению к Советам, что никогда бы не покинули Войска, имея в своих рядах 11 тысяч бойцов. Для нас это звучит совершенно нелепо. И как бы на нас смотрели наши жены и дети, увидев, что мы, бойцы, бросив их, спасаем свою шкуру...

Цифра 11 тысяч довольно верна, но она составлена была таким образом: часть этой цифры — небольшие осколки от частей, тыл и главная масса — это беженцы.

Кстати добавлю, что во время войны некоторые полки, вышедшие в полном составе, к концу ее насчитывали в своих рядах 10—20—30—50 человек, — настолько был велик у Уральцев урон от войны и болезней.

2. Автор сообщает, что из 11 тысяч вышедших, 10 погибло в походе. Казалось бы, до Форта Александровска должно было бы добраться 1000 человек, следуя же по статье, дальше мы видим, что в Форте сдалось красным в марте 1920 года 3 тысячи казаков и 2 тысячи ушли с Атаманом в новый поход на Персию.

В действительности было так: до Форта добралось $2^1/_2$ тысячи, из них многие были отправлены на Кавказ. Это были помороженные и тяжело больные. С Атаманом ушло в поход 200 человек, остальные же остались в Форте для сдачи красным.

Эти 200 человек, во главе с Атаманом Толстовым, совершили новый героический поход на Персию.

3. Уральцев, оторвавшихся от Войска и ушедших с Сибирским фронтом, не было, кроме одиночных личностей.

4. Глубоко неверно заявление автора, что в настоящее время в России осталось уральцев обоего пола 230 тысяч человек.

Всего-то уральцев к началу гражданской войны было не больше этого числа, а после того, что произошло во время гражданской войны, где кроме потерь на фронте, немилосердно косил сыпной тиф, а наступивший и свирепствовавший голод 20—21 годов свел к нулю Уральское Войско.

И теперь уральцев нужно считать может быть тысячами, но никак даже не десятками тысяч.

Сбылось старинное казачье предсказание: „Уральское Войско на крови зародилось — на крови и кончится“.

Прошу принять, г-н Редактор, мое искреннее уважение

уралец **Масянов.**

16 октября, 1932. Париж.

От редакции. Помещая настоящее письмо, мы должны подчеркнуть, что не разделяем столь пессимистического взгляда автора его на судьбу славного Яицкого Войска, — если его и не 200.000 сейчас, то и не несколько тысяч, как считает станичник Масянов.

В Казакии.

По советским газетам.

В Ростовском „Молоте“ 2 октября: В станице Динской „много заседают и... почти ничего не делают по организации хлебозаготовок“...

„Северная МТС (машинно-тракторная станция) не организует борьбы за хлеб“...

В Каменском районе „темпы хлебосдачи резко снизились“...

„Кропоткинский завод не выполняет заказов на запасные части“...

„Когда же, наконец, будут травосеялки?..“

4 октября: „Из месяца в месяц срывают планы хлебозаготовок: Ново-Александровский район, Курганенский, Ванновский, Курсавский, Армавирский, Кропоткинский (ст. Кавказская), Ограднинский, Невиномысский, Медвеженский, Ставропольский, Белоглинский, Ново-Покровский, Тихорецкий, Усть-Лабинский, Тимошевский, Адыгея“.

6 октября: „В Выселках ежедневно простаивает половина тракторного парка“...

9 октября на „черной доске“ за „срыв всех сроков сева“ стоят районы: „Леоно-Кальтвенский, Тарасовский, Шахтинский, Константиновский, Цымлянский, Мечетинский“.

„Темпы осеннего сева по Новочеркасскому району внушают серьезную тревогу“...

10 октября: „Усть-Лабинский район попрежнему срывает планы хлебозаготовок“...

„Данные о ходе хлебозаготовок по СССР за первую пятидневку октября — неудовлетворительны“...

14 октября на „черной доске“ за „позорное отставание в севе“: Шахтинский район, Цымлянский, Матвеево-Курганенский, Каневской, Брюховецкий, Тихорецкий, Кореновский, Краснодарский, Северский, Ново-Александровский, Изобильно-Тищинский, Георгиевский, Моздокский, Ессентукский“.

16 октября: „Окружить коня вниманием и заботой“...

„Краснодарский район до сих пор не развернул массового сева“...

Письмо в редакцию.

М. Г. г-н. Редактор. Настоящим убедительно прошу Вас напечатать в уважаемом Вашем журнале следующее письмо, отправленное мною в редакцию газеты „П. Н.“, но там не напечатанное:

„Очень прошу редакцию „Последних Новостей“ дать место настоящему моему письму.

В последнем очерке „Догоревших Огней“ кн. Барятинского (П. Н.“ от 14 авг.) имеются строки, посвященные нашему Туркестану, которые я бы не хотел оставить без ответа. Кн. Барятинский пишет о каком-то виденном им в Самарканде „бей-кабаке“ (?!), оказавшемся, по об'яснению „симпатичного колосса с белорусыми баками и русскими голубыми глазами, исполняющего должность не то полицейского, не то пристава туземного квартала „Самарканда“, туземным публичным домом“. Дело не в том, что в одном из больших городов Туркестана оказался „туземный публичный дом“. Увы, где нет этого позорного заведения! И „Город Светоч“ и „Белокаменная“, и многие другие не менее культурные и святые города имеют свои подобные же туземные заведения. Дело в том, что „симпатичный колосс с голубыми глазами“, сопровождавший кн. Барятинского в „бей-кабак“ (?) и рассказывавший ему о „местных нравах“, будто допускающих содержать в публичных домах своих жен и дочерей“, „колоссально“ и бессовестно надул своего высокого гостя, разыграв с ним такую же приблизительно „шутку“, какую разыгрывают в Париже некоторые гиды над падкими до сильных ощущений американками, показывая им каких-то там „муфтарских львиц“ и необыкновенных апашей в парижских катакомбах.

Моего — коренного туркестанца — заявления, что таких пошлых нравов у нас в Туркестане нет, что самое слово „бей-кабак“ у нас совершенно неизвестно, пожалуй, недостаточно для кн. Барятинского. Но вот здесь, в Париже, проживают многие русские, родившиеся или весьма долгое время служившие в Туркестане. Знают ли они о подобных позорных нравах туркестанцев? Слышали ли они когда-либо слово „бей-кабак“ или о заведении под таким именем?

Не сомневаюсь, что ответ их будет отрицательным.

Я не думаю, чтобы кн. Барятинский молчал все эти 27 лет о виденном им в Самарканде зрелище и не рассказывал никому об этом „одном из самых видных туземцев вроде местного городского головы“, поджидавшем в „публичном доме свою дочь и жену, чтобы отвести их домой“ после... Вы догадываетесь и кн. Барятинский совершенно прозрачно пишет, п о с л е чего именно. И много, вероятно, найдется русских из образованного общества, которые поверили этой пошлости, передаваемой талантливым писателем с большим именем со слов первого попавшегося ему“ не то полицейского, не то пристава туземного квартала“...

Я очень плохого мнения о туркестанской администрации б. императорского пр-ва, но все же должен сказать, что и она не стала бы поощрять „публичных домов“ описываемого кн. Барятинским типа и не стала бы считать их достопримечательностью Самарканда наравне, скажем, с упоминаемым кн. Барятинским знаменитым мавзолеем Тимура. Разве не называется это поощрением „публичных домов“ со стороны государственной власти, если ее представители, в лице „не то полицейского, не то пристава“, считают как бы своим служебным долгом сопровождать туда знатных путешественников и давать им необходимые об'яснения? Кн. Барятинский лучшего, конечно, мнения (по сравнению со мною) о представителях старой русской государственной власти в Туркестане. И как же он не задал себе вопроса о подобных „культуртрегерских“ приемах русской администрации там? Или же он считает это (поощрение публичных домов) проявлением высокого уважения русскими властями к „священным обычаям туземцев“?

Нет, дело не в этом. Кн. Барятинский, как и многие из русского образованного общества, имеют предрасположение верить даже самой гнусной пошлости о нашем народе. С проявлениями такого предрасположения мне приходится встречаться весьма часто. И поразительно то, что чем бессмысленнее, чем оскорбительнее для нашего народа пошлость, тем охотнее придают ей веру.

Простите, разве помещение солиднейшими и культурнейшими „Последними Новостями“ на своих столбцах подобных строк не может служить некоторым подтверждением этого?

Я бы прошел мимо и не стал бы занимать всем этим внимание редакции и читателей „П. Н.“, если бы не знал, что по такого рода пошлым „бей-кабакам“, да еще вышедшим из-под пера известного писателя, будут иметь суждение о нашем народе.

Разрешите мне немного выйти за пределы этого фантастического „бей-кабака“. О Туркестане ныне в сов. литературе написано очень много романов, повестей, рассказов, пьес. Всей этой литературы я не читал но со многими произведениями сов. авторов я знаком близко. И скажу без преувеличения, что все это сплошная „клюква“. Одно из первых мест в этом отношении принадлежит писаниям Александра Сытина. Его „Пастух племен“, „В тени мечетей“, „Пришелец с Запада“, Контрабандисты Тянь-Шаня“ „Стада Аллаха“, в тех местах, где идет речь о местных обычаях и нравах, представляют собою непревзойденные образцы „красной клюквы“. С ними может соперничать разве роман некоего Ф. Воскресенского — „Степь и город“. „Кочевники“ Тихонова самой же сов. критикой в Туркестане прозваны „экзотическим рейдом“, а писания Бориса Пильняка о Туркестане, после его поездки на открытие „Турксиба“, обилием „клюквы“ вызвали возмущение русских же большевиков на страницах алмаатинской газеты „Советская Степь“.

Вся нынешняя сов. „клюква“ о Туркестане сродни самаркандскому „бей-кабаку“ кн. Барятинского с той лишь разницей, что сов. „клюква“ безобидней для обрисовки нравственной физиономии нашего народа“.

С совершенным уважением

М. Чокаев.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Č. S. R. по 100 к. ч. за год, а заграницу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930.
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.